

Сломленный принц

Автор:

Эрин Уатт

Сломленный принц

Эрин Уатт

Семья Ройалов #2

У Рида Ройала есть все: привлекательная внешность, положение в обществе, деньги. Девушки из его элитной школы готовы на все, чтобы встречаться с ним. Парни хотят быть похожими на него. Но Риду нет дела ни до кого, кроме членов семьи, пока в его жизни не появляется Элла Харпер.

Сможет ли Рид завоевать неприступную принцессу и доказать, что достоин ее любви?..

Эрин Уатт

Сломленный принц

© 2016 by Erin Watt

© Е. Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Рид

В доме, когда я вхожу туда через дверь рядом с кухней, темно и тихо. Почти тысяча квадратных метров, и никого. На моем лице появляется улыбка. Мои братья разошлись кто куда, экономка давно ушла, а отец уехал и бог знает где, и это значит, что весь особняк Ройалов в нашем с Эллой распоряжении.

Да, черт возьми!

Я быстро прохожу через кухню и бегу вверх по черной лестнице. Надеюсь, Элла уже ждет меня в кровати, вся такая милая и сексуальная, в одной из моих старых футболок, в которых привыкла спать. И пусть футболка будет единственным, что на ней надето... Я проношусь мимо своей комнаты, комнаты Истона, старой комнаты Гида и останавливаюсь перед дверью в спальню Эллы, но она, к моему разочарованию, оказывается закрыта. Стучусь, никто не отвечает. Нахмурившись, я достаю из заднего кармана телефон и отправляю короткое сообщение.

Детка, ты где?

Элла не отвечает. Я хлопаю телефоном по ноге. Наверное, она где-нибудь со своей подругой Вэлери, что даже хорошо, потому что для начала мне не помешает принять душ. На сегодняшних посиделках у Уэйда парни выкурили чертову тонну травы, и я не хочу, чтобы комната Эллы провоняла этим смрадом.

Новый план: приму душ, побреюсь и отправлюсь на поиски моей девушки. Я стягиваю с себя футболку и, скомкав ее в руке, рывком открываю дверь своей комнаты. Затем, даже не позаботившись включить свет, скидываю кроссовки и иду по ковру к ванной.

Я чувствую ее запах еще до того, как вижу ее саму.

Какого?..

Вдыхая тошнотворный аромат роз, я разворачиваюсь в сторону кровати.

– Да ладно! – рычу я, заметив темную фигуру на матрасе.

Ощущая прилив злости, марширую обратно к двери и щелкаю выключателем. И тут же жалею об этом, потому что заливший комнату бледно-желтый свет освещает полностью обнаженную женщину, с которой мне не хочется иметь ничего общего.

– Какого черта ты тут делаешь? – рявкаю я бывшей подружке своего отца.

Брук Дэвидсон жеманно улыбается.

– Я соскучилась по тебе.

У меня отвисает челюсть. Черт, она это серьезно? Я быстро выглядываю в коридор, чтобы проверить, не появилась ли Элла, а потом подхожу к кровати.

– Пошла вон, – рычу я, схватив ее за запястье и стягивая на пол.

Вот черт, придется менять постельное белье, потому что если и есть что-то отвратительнее вони затхлого пива и травки, то это запах духов Брук Дэвидсон.

– С чего это? Раньше ты не жаловался.

Она облизывает красные губы, и наверняка кому-то это может показаться сексуальным, но у меня лишь вызывает тошноту. В моем шкафу достаточно скелетов, о которых Элле ничего не известно. Многие могли бы показаться ей омерзительным. В том числе и женщина, сидящая передо мной.

– Я точно помню, как сказал, что больше никогда не притронусь к тебе. Ты готова лечь под любого.

Губы Брук вытягиваются в тонкую линию.

– А я не раз просила тебя не разговаривать со мной в таком тоне.

– Я буду говорить с тобой как захочу.

Я выплевываю эти слова и снова бросаю быстрый взгляд на дверь. От чувства бессилия меня прошибает пот. Когда Элла вернется домой, Брук не должно быть здесь.

Черт, как я смогу объяснить все это? Я смотрю на разбросанную на полу одежду Брук: вульгарное мини-платье, кружевное белье, пару туфель на шпильках.

Мои кроссовки случайно оказались рядом с ее туфлями. Все выглядит достаточно подозрительно.

Я хватаю туфли Брук и бросаю их на кровать.

– Мне нет до тебя никакого дела, катись отсюда куда подальше!

Она бросает туфли обратно в меня. Одна каблуком царапает мне грудь, и обе падают на пол.

– А ты заставь!

Я сжимаю рукой затылок. Вышвырнуть ее насильно – единственный вариант, который у меня есть. Но что я, черт побери, скажу Элле, если она увидит, как я вытаскиваю Брук из своей спальни?

Эй, детка, не подумай ничего такого. Я тут выбрасываю мусор. Видишь ли, мы пару раз переспали, а теперь, когда папа бросил ее, она, похоже, хочет залезть в мою постель. Ничего сверхъестественного, правда?

И неловкая усмешка в конце.

Я сжимаю руки в кулаки. Гидеон всегда говорил, что у меня склонность к саморазрушению, и, черт, сейчас я, похоже, вышел на совершенно новый уровень. Это все моя вина. Я позволил злости на отца привести меня в постель к этой стерве. Я убедил себя, что после всех страданий, которые перенесла из-за него мама, он заслуживает, чтобы я закрутил шашни с его девушкой у него за спиной.

Что ж, я и остался в дураках.

– Одевайся, – мой громкий шепот похож на шипение. – Разговор окончен...

Я замираю, услышав звуки шагов в коридоре и звук своего имени.

Брук склоняет голову набок. Она тоже все слышит.

Ох, черт. Черт. Черт!

Голос Эллы раздается уже прямо за дверью.

– Ой, как славно, Элла тоже дома, – говорит Брук, а у меня в ушах грохочет неровный пульс. – Тогда я поделюсь своей новостью с вами обоими.

Наверное, это будет самая большая в мире глупость, но в голове у меня вертится лишь одна мысль: «Исправь это». Эта женщина должна исчезнуть отсюда.

Я бросаю все, что было у меня в руках, и кидаюсь вперед. Схватив Брук за руку, я пытаюсь стащить ее с кровати, но эта дрянь дергает меня вниз. Я изо всех сил стараюсь не трогать ее голое тело и в итоге теряю равновесие. Она тут же пользуется этим и прижимается к моей спине. В ушах звенит ее тихий смех, а накаченные силиконом сиськи касаются моей кожи.

Я в панике наблюдаю, как поворачивается дверная ручка.

– Я беременна, и ребенок твой, – шепчет мне Брук.

Что?

Мир вокруг меня резко замирает.

Дверь распахивается. Прелестное личико Эллы смотрит прямо на меня. Я наблюдаю, как выражение радости на нем сменяется полным шоком.

– Рид!

Я сижу словно парализованный, но мозг работает в усиленном режиме, пытаюсь вычислить, когда мы с Брук были вместе в последний раз. День святого Патрика. Мы с Гидом тусовались у бассейна. Он напился. Я напился. Гид был сильно расстроен чем-то. То ли из-за папы, то ли из-за Сав, то ли из-за Дины, а может быть, из-за Стива. Мне так и не удалось понять.

Хихиканье Брук доносится как будто издалека. Я смотрю на Эллу, но не вижу ее. Мне нужно сказать хоть что-то, но я молчу, охваченный паникой, лихорадочными размышлениями.

День святого Патрика... Я, запинаясь, поднялся наверх, провалился в сон, а проснулся оттого, что чей-то горячий влажный рот сосал мой член. Это точно была не Эбби – на тот момент я уже расстался с ней, и к тому же она никогда не стала бы прокрадываться ко мне в спальню. Однако зачем отказываться от халявного минета?

Элла открывает рот и что-то говорит. Но я не слышу ни слова. Меня закрутило в вихре из чувства вины и ненависти к самому себе, и я никак не могу вырваться оттуда. Поэтому просто смотрю на нее, на мою девушку, самую красивую девушку в мире. Я не могу оторвать глаз от золотых волос, огромных голубых глаз, которые умоляют меня объясниться.

«Скажи хоть что-нибудь», – мысленно приказываю я себе.

Но губы не двигаются. Ощувив холодное прикосновение к своей шее, я вздрагиваю.

Скажи что-нибудь, черт возьми! Не позволяй ей уйти...

Слишком поздно. Элла вылетает из комнаты.

Громкий хлопок двери выводит меня из ступора. Но не полностью. Я до сих пор не могу пошевелиться. Даже дышать удается с трудом.

День святого Патрика... Это было больше шести месяцев назад... Я не слишком понимаю в сроках беременности, но Брук явно лжет. Этого не может быть.

Не... может... быть.

Не может быть, чтобы ребенок был моим.

Я соскакиваю с кровати, не обращая внимания на то, как сильно трясутся руки, и бросаюсь к двери.

– Seriously? – раздается довольный голос Брук. – Побежишь за ней? И как ты объяснишь ей все это, сладкий?

Охваченный яростью, я резко разворачиваюсь к ней.

– Клянусь богом, женщина, если ты не уберешься из моей комнаты ко всем чертям, я сам вышвырну тебя отсюда.

Папа всегда говорил, что мужчина, поднявший руку на женщину, опускается ниже некуда. И я никогда не ударил ни одну женщину. У меня и желания такого не возникало до тех пор, пока я не познакомился с Брук Дэвидсон.

Она не обращает никакого внимания на мою угрозу и продолжает дразнить, высказывая вслух все мои страхи.

– Что ты ей наврешь? Что ни разу и пальцем меня не тронул? Что никогда не хотел меня? Интересно, как поступит твоя девушка, когда узнает, что ты трахал подружку своего папочки? Думаешь, после этого ты будешь ей нужен?

Я смотрю в пустой дверной проем. Из комнаты Эллы раздаются приглушенные звуки. Мне хочется пулей промчаться через коридор к ней, но я не могу. Потому что Брук все еще здесь, в этом доме. Что если она выбежит отсюда голышом и объявит, что беременна от меня? Как я объясню это Элле? Как заставлю ее поверить мне? Сначала нужно избавиться от Брук и только потом идти к Элле.

– Выметайся, – я выплескиваю на Брук все свое раздражение.

– А ты не хочешь узнать пол ребеночка?

– Нет. Не хочу.

Я всматриваюсь в ее стройное обнаженное тело и вижу, что живот чуть-чуть выдается. К горлу подступает тошнота. Брук никогда бы не позволила себе поправиться даже на миллиграмм, внешность – единственное ее оружие. Значит, стерва не соврала, она действительно беременна.

Но ребенок не от меня.

Возможно, отца, но, черт, точно не мой.

Я рывком распахиваю дверь и выбегаю из комнаты.

– Элла!

Не знаю, что буду говорить ей, но это все же лучше, чем молчать. Я до сих пор проклинаяю себя, что сидел как парализованный. Боже, какой я кретин!

Я останавливаюсь у двери в спальню Эллы. Там никого. И вдруг слышу низкое урчание заведенного мотора спорткара. Охваченный паникой, я несусь вниз по лестнице, а за моей спиной раздается гоготанье Брук, похожее на хохот хэллоуинской ведьмы.

Я бросаюсь к парадной двери, забыв, что она закрыта, а когда мне удастся ее открыть, Эллы уже и след простыл. Она, наверное, неслась отсюда на всех парах. Вот дерьмо!

Каменный пол под ногами заставляет вспомнить, что на мне лишь джинсы. Развернувшись, я возвращаюсь в дом и поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, но мне приходится резко затормозить, потому что передо мной вдруг появляется Брук.

– У тебя ничего не выйдет, это не мой ребенок, – рычу я. Если бы это было не так, Брук уже давно разыграла бы свой козырь, а не ждала сегодняшнего дня. – Сомневаюсь, что он и отца, иначе ты бы не оголялась передо мной как дешевая

шлюха.

– Я решаю, чей он, а не ты, – холодным тоном отвечает она.

– И где доказательства?

– Мне не нужны доказательства. Мое слово против твоего, а когда будут готовы тесты на подтверждение отцовства, на моем пальчике уже будет красоваться кольцо.

– Удачи тебе.

Она хватается меня за руку, когда я пытаюсь обойти ее.

– Мне не нужна удача. У меня есть ты.

– Нет. И я никогда не был твоим, – я стряхиваю с себя ее руку. – Я уйду искать Элли. Оставайся здесь столько, сколько хочешь, Брук. Мне надоело играть в твои игры.

Ее ледяной голос останавливает меня у двери моей комнаты.

– Если ты заставишь Каллума сделать мне предложение, я скажу, что ребенок его. Не поможешь мне и все поверят, что ребенок твой.

Я приостанавливаюсь в дверях.

– Анализ ДНК покажут, что он не мой.

– Может, и так, – щебечет Брук, – но они покажут, что он от кого-то из Ройалов. Такие анализы не всегда различают родственников, особенно отцов с сыновьями. Достаточно, чтобы посеять сомнения в головке Элли. И я спрашиваю тебя, Рид: ты хочешь, чтобы я рассказала всему миру, рассказала Элле, что ты станешь папочкой? Потому что я так и сделаю. Но если ты согласишься на мои условия, то никто ничего не узнает.

Я медлю с ответом.

– Ну что, мы договорились?

Я стискиваю зубы.

– Если я сделаю это, если... – я стараюсь подобрать правильные слова, – если уломаю отца жениться на тебе, ты оставишь Эллу в покое?

– Что ты имеешь в виду?

Я медленно поворачиваюсь к Брук.

– Я имею в виду, что дерьмо, которое лезет из тебя, стерва, никак не коснется Эллы. Ты не будешь говорить с ней, не станешь объяснять ей этого, – я показываю рукой на ее тело уже в одежде. – Ты можешь улыбаться ей, здороваться, но никаких задушевных разговоров.

Я не доверяю этой женщине, но если можно заключить с ней сделку ради Эллы – да и ради себя самого, – я это сделаю. Мой отец сам себе вырыл яму. Пусть теперь сам и выбирается из грязи.

– Хорошо. Ты договоришься с отцом – и вы с Эллой сможете жить долго и счастливо. – Брук смеется, нагибаясь за своими туфлями. – Если, конечно, ты вернешь ее.

Глава 2

Спустя два часа я начинаю нервничать. Перевалило за полночь, а Элла до сих пор не вернулась.

Может, она наконец приедет домой и наорет на меня? Пусть скажет мне, что я козел, который не стоит ее времени. Пусть мечет громы и молнии, пусть кричит на меня, пнет, ударит.

Черт, она просто нужна мне.

Я проверяю телефон. После ее ухода прошло несколько часов. Я набираю ее номер, но в ответ только гудки и гудки.

Звоню еще раз, и мой звонок переадресован на голосовую почту.

Тогда я пишу сообщение.

Где ты?

Не отвечает.

Папа волнуется.

Я отправляю ей эту ложь в надежде получить ответ, но телефон по-прежнему молчит. Может, она заблокировала мой номер? От такой мысли колет в груди, но это вполне разумная идея, и я бросаюсь в дом, в комнату брата. Элла не может заблокировать нас всех.

Истон еще спит, но его мобильник лежит на тумбочке и заряжается. Я хватаю его и быстро печатаю новое сообщение. Истон нравится Элле. Она выплатила его долг. Наверняка ему-то ответит.

Привет. Рид сказал, кое-что случилось. Ты в порядке?

Опять ничего.

Может, она припарковалась дальше по дороге и пошла пешком к берегу? Я кладу в карман телефон брата на случай, если Элла все-таки решит связаться с ним, и бегом спускаюсь по лестнице на террасу.

Берег пуст, и я бегу трусцой к поместью Уортингтонов, которое находится через четыре дома от нашего. Но и там ее нет.

Я оглядываюсь вокруг, смотрю на скалистый берег, на океан, но не вижу ничего. Никого. На песке ни одного следа. Эллы нет и здесь.

Чувство бессилия уступает место панике, я несусь обратно к дому и прыгаю в свою машину. Запустив двигатель, стучу кулаком по приборной доске. Думай. Думай. Думай!

Вэлери. Должно быть, она у Вэлери.

Не проходит и десяти минут, как я останавливаюсь у дома Вэл, но синего спортивного кабриолета Эллы нигде не видно. Не заглушив двигатель, я вылезая из машины и бегу к подъездной дорожке. Там тоже пусто.

Снова проверяю телефон. Ни одного сообщения. Как и на телефоне Истона. Судя по времени на экране, через двадцать минут у меня начнется тренировка, а значит, Элле уже нужно быть в пекарне, где она работает. Обычно мы ездили вместе. Даже после того, как она получила машину – подарок моего отца, – мы все равно ездили вместе.

Элла говорила, что ей не нравится водить. Я говорил ей, что по утрам ездить опасно. Мы врали друг другу. Мы обманывали самих себя, потому что не хотели признать правду: наше взаимное притяжение не победить. За себя я могу точно сказать. С той секунды, как она вошла в наш дом, с этими огромными глазами, в которых горели настороженность и надежда, я все время хотел быть рядом с ней.

Все внутри меня кричало, что из-за нее будут одни проблемы. Но мои инстинкты ошибались. Из-за нее никогда не было никаких проблем, все проблемы всегда были из-за меня. И это продолжается до сих пор.

Рид Разрушитель.

Это было бы крутое прозвище, но только если бы я не рушил свою и ее жизни.

Когда я подъезжаю к пекарне, на парковке пусто. После пяти минут непрерывного стука в дверь мне открывает владелица – по-моему, ее зовут Люси – и хмуро смотрит на меня.

– Мы откроемся только через час, – сообщает она мне.

– Я – Рид Ройал, Эллин... – Кто я? Ее парень? Сводный брат? Кто я ей? – друг.

Черт, меня даже им назвать нельзя.

– Она здесь? У нас возникли кое-какие семейные обстоятельства.

– Нет, она и не приезжала, – на лице Люси появляется встревоженное выражение. – Я звонила ей, но она не ответила. Элла – отличный работник, так что я подумала, она заболела и не смогла позвонить.

У меня сердце опускается. Элла никогда не пропускала работу в пекарне, хотя ей приходилось вставать спозаранку и работать три часа до начала занятий.

– Ну ладно, должно быть, она дома, в кровати, – отступая назад, бормочу я.

– Погодите минутку, – окликает меня Люси. – Что происходит? А ваш отец знает, что Элла пропала?

– Она не пропала, мэм! – кричу я в ответ, уже почти рядом с машиной. – Она дома. Как вы и сказали, заболела. Лежит в постели.

Я выезжаю с парковки и набираю номер тренера.

– Я не приеду на тренировку. Возникли кое-какие семейные обстоятельства, – повторяю я.

Мне приходится убрать телефон от уха, чтобы не слушать вопли тренера Льюиса. Через пару минут он успокаивается.

– Ладно, сынок. Но чтобы завтра утром ты стоял передо мной в форме и в полной боевой готовности.

– Да, сэр.

Вернувшись домой, я сталкиваюсь с нашей экономкой Сандрой, которая только что приехала, чтобы приготовить завтрак.

– Ты видела Эллу? – спрашиваю я полную брюнетку.

– Не видела. – Сандра смотрит на часы. – В это время она обычно уже уходит. Как и ты, если на то пошло. Что случилось? У тебя не будет тренировки?

– Тренер отменил по семейным обстоятельствам, – вру я.

В обмане мне нет равных. Это становится чуть ли не второй натурой, когда тебе ежечасно и ежедневно приходится скрывать правду.

Сандра цокает языком.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Я тоже. Я тоже.

Поднявшись наверх, вхожу в комнату, которую должен был проверить первым делом, прежде чем ехать куда-то. Может, она пробралась сюда, пока я пытался отыскать ее. Но в спальне Эллы стоит мертвая тишина. Кровать по-прежнему заправлена. На столе – идеальный порядок.

Я проверяю ванную, но там тоже все как было. С гардеробом та же история. Вся одежда развешана на одинаковых деревянных вешалках. Туфли выстроены аккуратным рядком на полу. Некоторые коробки и пакеты с вещами, которые, скорее всего, привезла для нее Брук, никто и не распаковывал.

Подавив в себе чувство вины за то, что копаюсь в ее личных вещах, я проверяю прикроватную тумбочку. Пусто. Я однажды рылся в этой комнате – в те времена, когда еще не доверял ей, – и в тумбочке все время лежали книжка со стихами и мужские часы. Часы были точной копией тех, что носит мой отец. Те, что были у нее, принадлежали папиному лучшему другу Стиву, биологическому отцу Эллы.

Я останавливаюсь в середине комнаты и оглядываюсь. Ничто не указывает на то, что она здесь. Ее телефона нет. Ее книги нет. Ее... черт, только не это! Ее

рюкзак тоже нет.

Из комнаты Эллы я несусь напрямик к Истону.

– Ист, просыпайся. Ист! – грубым голосом бужу я брата.

– Что? – он стонет. – Пора вставать?

Открыв глаза, Истон щурится.

– Ох, черт! Опаздываю на тренировку. А почему ты еще не там?

Он соскакивает с кровати, но я успеваю схватить его за руку.

– Мы не идем на тренировку. Тренера я предупредил.

– Что? Почему...

– Забудь уже об этом. Сколько ты был должен?

– Я что?

– Сколько ты задолжал букмекеру?

Истон моргает.

– Восемь штук. А что?

Я быстро подсчитываю в уме.

– Значит, у Эллы осталось около двух тысяч, верно?

– У Эллы? – брат хмурится. – А что с ней?

– Я думаю, она сбежала.

– Сбежала куда?

– Вообще сбежала, – рычу я, вскакиваю с кровати и подхожу к окну. – Папа платил ей, чтобы она оставалась здесь. Десять штук. Ты только подумай, Ист! Ему пришлось заплатить сироте, которая танцевала стриптиз, дабы сводить концы с концами, десять тысяч долларов, чтобы заставить ее переехать жить к нам. И, наверное, он платил ей столько каждый месяц.

– Почему она ушла? – еще не отойдя ото сна, растерянно спрашивает Истон.

Я продолжаю смотреть в окно. Когда он более-менее придет в себя, то сразу прикинет, что к чему.

– Что ты сделал?

Ну вот, как я и говорил.

Половицы скрипят, когда Истон начинает метаться по комнате. До меня доносятся его приглушенные ругательства, пока он одевается.

– Неважно, – нетерпеливо отвечаю я и, развернувшись, перечисляю ему места, где успел побывать. – Как думаешь, где она?

– У нее достаточно денег, чтобы купить билет на самолет.

– Но Элла очень осторожна с деньгами. По-моему, она даже нисколько не потратила, пока была здесь.

Истон задумчиво кивает. И тут наши взгляды встречаются, и мы, как наши братья-близнецы Сойер и Себастиан, говорим в унисон:

– GPS.

Мы звоним в службу навигационной системы, которая принадлежит «Атлантик Авиэйшн» и которую папа устанавливает на каждую купленную им машину. Консультант сообщает нам, что новенькая «ауди» стоит на стоянке у

автовокзала.

Она не успевает назвать нам адрес, как мы уже вылетаем за дверь.

* * *

– Ей семнадцать, вот такого роста, – я поднимаю ладонь под подбородок, описывая Эллу кассирше. – Блондинка с голубыми глазами.

Глазами как Атлантический океан. Глубокими, грозowymi серыми, ледяными голубыми. Я не раз терял себя в этих глазах.

– Она забыла телефон, – я поднимаю свой мобильник. – Нам нужно отдать его ей.

Кассирша цокает языком.

– Ох, еще бы, она так торопилась! Купила билет до Гейнсвилля. У нее бабушка умерла.

Мы с Истоном киваем.

– Когда уехал автобус?

– Несколько часов назад. Сейчас она уже должна быть там, – кассирша огорченно качает головой. – Она сильно плакала, словно ей сердце разбили. В наше время почти и не увидишь, чтобы подростки так переживали о старших. Так мило. Мне было очень жаль ее.

Истон, стоящий у меня за спиной, сжимает руки в кулаки. Злость исходит от него волнами. Если бы мы были сейчас наедине, один из этих кулаков прилетел бы мне в лицо.

– Спасибо, мэм.

– Не за что, дорогой, – она кивает нам на прощание.

Мы выходим из здания и останавливаемся у машины Эллы. Я протягиваю руку, и Истон, разъяренный, опускает на мою ладонь запасной комплект ключей.

Оказавшись в салоне, я нахожу в центральной консоли ее связку ключей и книгу со стихами, в которую, похоже, вложены документы на машину. Свой телефон она оставила в бардачке, и на экране по-прежнему отображаются все мои непрочитанные сообщения.

Она все оставила. Все, что было связано с Ройалами.

– Нам нужно ехать в Гейнсвилл, – решительно объявляет Истон.

– Я знаю.

– Отцу скажем?

Если мы расскажем обо всем Каллуму, существует большая вероятность, что он разрешит нам воспользоваться самолетом. А значит, мы будем на месте в течение часа, а не через шесть с половиной, если отправимся на машине.

– Не знаю.

Стремление как можно скорее отыскать Эллу немного спало. Теперь мне известно, где она. Я могу приехать к ней. Мне лишь нужно разобраться, как именно лучше это сделать.

– Что ты сделал? – снова спрашивает меня брат.

Я еще не готов к той ненависти, которую он обрушит на меня, как только узнает правду, поэтому молчу.

– Рид.

– Она застала меня с Брук, – хриплым голосом отвечаю я.

У него отвисает челюсть.

– Брук? Папиной Брук?

– Да.

Я заставляю себя посмотреть на него.

– Какого черта? И сколько раз у вас было с Брук?

– Пару раз, – честно признаюсь я. – Но не слишком часто. И уж точно ничего не было прошлой ночью. Ист, я даже не прикасался к ней.

Брат сжимает челюсти. Ему нестерпимо хочется врезать мне, но он не станет. Только не на людях. Он тоже помнит мамины слова. «Не запятнайте фамилию Ройалов, мальчики. Разрушить все куда проще, чем построить».

– Тебя надо повесить за яйца и оставить умирать. – Он плюет мне под ноги. – Если ты не найдешь Эллу и не вернешь ее домой, я буду первым в очереди, чтобы сделать это с тобой, братишка.

– Справедливо.

Я стараюсь сохранять спокойствие. Нет смысла расстраиваться. Нет смысла переворачивать машину. Нет смысла кричать, хотя меня подмывает открыть рот и выплеснуть в воздух весь свой гнев и ненависть к самому себе.

– Справедливо? – брат фыркает от отвращения. – Значит, тебе плевать, что Элла в каком-то университетском городке, где ее будут лапать всякие пьяницы?

– Она умеет выживать. Уверен, с ней все в порядке.

Слова звучат очень нелепо. Элла – настоящая красавица, и сейчас она одна. Кто знает, что с ней может случиться?

– Хочешь отогнать ее машину домой, прежде чем мы отправимся в Гейнсвилл?

Истон смотрит на меня, широко открыв глаза.

– Ну? – нетерпеливо спрашиваю я.

– Давай, почему бы и нет? – он выхватывает ключи из моей руки. – Ведь кому какое дело, что она горячая штучка, ей всего семнадцать, а с собой у нее почти две тысячи баксов наличными?

Мои ладони сжимаются в кулаки.

– Наверняка ей не встретится какой-нибудь урод, накачанный метом, который посмотрит на нее и подумает: «Какая легкая добыча. Эта телочка всего-то метр с половиной и весит меньше, чем моя нога, она точно не сможет надрать мне задницу...»

Мне становится тяжело дышать.

– И я уверен, что у каждого парня, с которым она столкнется, будут самые добрые намерения. Никто не потащит ее в темную аллею и не пустит по кругу до тех пор, пока она...

– Заткнись, мать твою! – рычу я.

– Наконец-то, – Истон поднимает руки вверх.

– В смысле?

Я чуть не задыхаюсь от ярости. Из-за картин, которые так образно нарисовал Истон, мне хочется превратиться в Халка и бегом побежать в Гейнсвилл, уничтожая все на своем пути, пока не найду ее.

– Ты вел себя так, будто она ничего для тебя не значит. Может, у тебя камень вместо сердца, но мне Элла нравится. Она... она хорошо влияла на нас.

Его горечь почти физически ощутима.

– Я знаю. – Слова будто вытягивают из меня клещами. – Я знаю, черт побери.

Мое горло сжимается так сильно, что трудно говорить.

– Но... мы плохо на нее влияли.

Гидеон, наш старший брат, пытался сказать мне это еще в самом начале.
«Держись от нее подальше. Ей не нужны наши проблемы. Не исковеркай ей жизнь, как я...»

– И что это должно означать?

– То, что слышал. Мы – как яд, Истон. Каждый из нас. Я переспал с папиной подружкой, чтобы отомстить ему за то, как он обращался с мамой. Близнецы занимаются каким-то дерьмом, о котором я даже знать не хочу. Твоя страсть к азартным играм стала неуправляемой. Гидеон... – я умолкаю. Сейчас Гид живет в своем собственном аду, и Истону лучше ничего об этом не знать. – Мужик, у нас мозги повернуты не в ту сторону. Может, ей будет лучше без нас.

– Неправда.

А, по-моему, правда. От нас одни неприятности. Элла всегда хотела жить нормальной, обычной жизнью. Но в доме Ройалов такое невозможно.

Если бы я не был конченым эгоистом, то развернулся бы и ушел. Убедил бы Иста, что для Эллы было бы лучше всего держаться от нас подальше.

Но я стою на месте и молча обдумываю, что скажу ей, когда мы найдем ее.

– У меня есть идея, – развернувшись, я иду к выходу.

– Я думал, мы собирались ехать в Гейнсвилл, – раздается за моей спиной голос Истона.

– Это сэкономит нам время.

Мы заходим в отдел службы безопасности автовокзала, я сую сотку охраннику, и он позволяет нам просмотреть видеозаписи с камер в Гейнсвилле. Мужик перематывает пленку на тот момент, когда подъезжает автобус из Бейвью, и я с

замиранием сердца начинаю выискивать среди пассажиров Эллу. Но внутри у меня все опускается, потому что ее нигде нет.

– Что за черт! – восклицает Истон, когда мы десять минут спустя покидаем здание автовокзала. – Кассирша сказала, что Элла села в автобус.

Я так сильно сжимаю челюсти, что едва получается выдавить из себя хоть что-то.

– Может быть, она сошла на другой остановке?

Мы тащимся к джипу и залезаем внутрь.

– Что теперь? – спрашивает брат, глядя на меня с угрозой.

Я провожу рукой по волосам. Мы можем объехать все остановки на маршруте, но, по-моему, лишь потеряем время. Элла – умная девчонка, она привыкла убегать, в любой момент покидать город и начинать новую жизнь в другом месте. Она научилась этому от своей матери.

Я чувствую новый прилив тошноты от внезапной мысли: а если она опять найдет работу в стрип-клубе? Уверен, Элла готова на все, чтобы выжить, и от мысли о том, что она будет снимать с себя одежду перед кучкой грязных извращенцев, у меня вскипает кровь.

Мне необходимо отыскать ее. Если с ней что-то случится, я не смогу дальше жить.

– Мы едем домой, – объявляю я.

Мой брат, кажется, удивлен моим ответом.

– Зачем?

– У папы есть частный детектив. Он сможет найти ее куда быстрее, чем мы.

– Папа будет в ярости.

Что правда, то правда. И я постараюсь разобраться со всеми последствиями, но сейчас самое главное – найти Эллу.

Глава 3

Как и предсказывал Истон, когда мы рассказываем папе о том, что Элла пропала, он приходит в бешенство. Я не спал почти двадцать четыре часа и чувствую себя как выжатый лимон, у меня совсем нет сил, чтобы спорить с ним.

– Какого черта вы не позвонили мне раньше? – грохочет отец.

Он расхаживает взад-вперед по огромной гостиной нашего особняка, его ботинки стучат по натертому паркету.

– Мы решили, что найдем ее раньше, чем дело примет такой оборот, – отрывисто отвечаю я.

– Я – ее официальный опекун! Мне нужно было сообщить первым делом, – папина грудь тяжело вздымается. – Что ты сделал, Рид?

Его полный ярости взгляд пронзает меня насквозь. Не Истона, не близнецов, которые сидят на диване с одинаковым выражением беспокойства на лицах. Нет ничего удивительного в том, что папа решил, что во всем виноват я. Он знает, что мои братья все повторяют за мной, и я – единственный из семьи Ройал, из-за кого Элла могла сбежать.

Я сглатываю. Дерьмо. Мне не хочется, чтобы он узнал, чем мы с Эллой занимались прямо у него под носом. Пусть его мысли будут направлены на то, как найти ее, я не хочу отвлекать его новостью, что его сын закрутил роман с его подопечной.

– Рид не виноват.

Тихое признание Истона приводит меня в шок. Я перевожу взгляд на брата, но он смотрит на отца.

– Она уехала из-за меня. Недавно мы столкнулись с букмекером, которому я должен, и Элла испугалась. Этот тип – не самый дружелюбный парень, если ты понимаешь, о чем я.

Пulsирующая вена на лбу папы, кажется, вот-вот взорвется.

– Твоим букмекером? Ты снова ввязался в это?

– Извини, – Истон пожимает плечами.

– Всего лишь «извини»? Ты впутал Эллу в темные делишки и напугал ее так сильно, что она сбежала!

Папа начинает надвигаться на Истона, и я преграждаю ему путь.

– Ист совершил ошибку, – решительно начинаю я, избегая встречаться взглядом с братом. Я поблагодарю его за то, что он принял весь огонь на себя, но позже. Сейчас нам нужно успокоить нашего старика. – Но что сделано, то сделано, давай пока забудем об этом. Сейчас мы должны направить все силы на то, чтобы найти ее.

Папины плечи опускаются.

– Ты прав, – он кивает, и его лицо принимает жесткое выражение. – Я позвоню частному детективу.

Не сказав больше ни слова, он выходит из гостиной, его тяжелые шаги эхом отдаются в коридоре. Спустя несколько секунд до нас доносится хлопок двери его кабинета.

– Ист...

Он поворачивается с таким видом, как будто хочет меня убить.

– Я сделал это не ради тебя, а ради нее.

У меня сжимается горло.

– Знаю.

– Если папа узнает о... – он умолкает и бросает предостерегающий взгляд на близнецов, которые пока не проронили ни слова. – Это отвлечет его.

– Как думаете, папин детектив найдет Эллу? – спрашивает Сойер.

– Да, – отвечаю я с уверенностью, которой на самом деле не чувствую.

– Если она воспользуется документами своей мамы, мы точно сумеем ее отыскать, – уверяет нашего младшего брата Ист. – Но если она найдет способ достать себе липовые документы...

Он понуро опускает плечи.

– Тогда не знаю.

– Она не сможет скрываться вечно, – старается подбодрить нас Себ.

Еще как может. Я еще не встречал никого настолько изворотливого, как Элла. Если она захочет, чтобы ее никто не нашел, так и будет.

В моем кармане жужжит телефон. Я поспешно вытаскиваю его, но звонит не та, голос которой мне хочется услышать. К горлу поднимается тошнота, когда на экране вспыхивает имя Брук.

Птичка напела мне, что твоя принцесса пропала.

– Элла? – с надеждой спрашивает Истон.

– Брук. – Звук ее имени обжигает мне язык.

– Что ей нужно?

– Ничего, – бормочу я в ответ, но на экране появляется новое сообщение.

Каллум, наверное, вне себя. Бедняга. Ему нужен кто-то, кто сможет его утешить.

Я стискиваю зубы. Деликатность не ее конек, это точно.

В наших сумасшедших поисках Эллы я не позволял себе думать о беременности Брук и сделке, которую заключил с ней ночью. Но теперь я не могу игнорировать ее, тем более когда сообщения сыплются одно за другим.

Доведи дело до конца, Рид.

Ты обещал мне.

Ответь мне, мелкий гаденыш!

Хочешь, чтобы мамочка твоего малыша закатила скандал, да?

Господи! Сейчас скандал мне нужен меньше всего. Заглушив ярость, я заставляю себя ответить на сообщения.

Успокойся, дрянь. Я поговорю с ним.

– Что ей нужно? – со злостью переспрашивает Истон.

– Ничего, – снова отвечаю я и тащусь в кабинет отца, оставив Иста и близнецов в гостинной.

Я не хочу этого делать. Безумно не хочу.

Но стучусь.

– Что такое, Рид?

– Как ты узнал, что это я? – распахивая дверь, спрашиваю я.

– Потому что после того, как уехал Гидеон, теперь ты заправляешь вашей шайкой-лейкой.

Папа залпом осушает полный стакан скотча и тянется, чтобы снова наполнить его. Стоит ли удивляться, почему мне никак не удастся оторвать Истона от бутылки?

Я делаю глубокий вдох.

– Мне кажется, тебе стоит позвонить Брук.

Папа отрывается от полупустого стакана.

Да, ты все верно услышал, старик. И поверь мне, я в шоке не меньшем, чем ты.

Когда он не отвечает, я заставляю себя надавить еще чуть-чуть.

– Когда мы вернем Эллу, нам может понадобится помощь. Нужен тот, кто выступит в роли буфера. – Меня тошнит от собственных слов. – Женский подход, типа того. Элла была близка со своей мамой. Может, если бы Брук чаще бывала у нас, Элла не убежала бы.

Папа хмуро смотрит на меня.

– Я думал, ты ненавидишь Брук.

– Сколько раз я должен сказать, что вел себя глупо? – я растягиваю губы в улыбке.

Но его не так просто убедить.

– Она хочет кольцо на палец, а я еще не готов к подобному раскладу.

Слава богу. Думаю, несмотря на количество поглощаемого им алкоголя, он еще не утратил здравого смысла.

– Тебе необязательно жениться на ней. Просто... – я облизываю губы. Как же все сложно! Но я заставляю себя, потому что сам впутался в переделку. Нельзя допустить, чтобы Брук всем рассказывала, что адское отродье, которое она носит внутри, – мой ребенок. – Просто будет круто, если ты позволишь ей вернуться. Я многое понимаю. Нам нужно заботиться о людях, которые заботятся о нас.

Хоть это правда. Любовь Эллы заставила меня поверить, что я могу быть лучше.

– Как великодушно с твоей стороны, – сухо отвечает отец. – Хотя, черт, может, ты и прав.

Он обхватывает пальцами стакан.

– Мы найдем ее, Рид.

– Надеюсь.

Папа натянуто улыбается мне, и я выхожу из комнаты. Закрывая дверь, слышу, как он берет трубку и говорит:

– Брук, это Каллум. У тебя есть минутка?

Я быстро отправляю ей сообщение.

Дело сделано. Не говори ему про ребенка. Это только отвлечет его.

Она отправляет мне в ответ смайлик с двумя поднятыми вверх пальцами. Тонкий металлический корпус телефона врезается мне в пальцы, когда я сжимаю его, борясь с желанием швырнуть мобильник в стену.

– Рид. – Вэлери Каррингтон догоняет меня на лужайке, морозный октябрьский ветер раздувает ее короткие волосы. – Подожди.

Я неохотно останавливаюсь и, развернувшись, встречаюсь с парой темных пылающих глаз. Вэл – размером с эльфа, но ее внутренней силе может позавидовать любой. Нам на поле не помешал бы кто-то такой же напористый, как она.

– Я опаздываю на тренировку.

– Мне все равно, – Вэл скрещивает руки на груди. – Тебе пора перестать играть со мной в игры. Если ты не скажешь, что с Эллой, клянусь богом, я позвоню в полицию.

С побега Эллы прошло целых два дня, но от частного детектива по-прежнему нет никаких новостей. Папа заставил нас ходить в школу, как будто все в порядке. Директору он сказал, что Элла заболела, и то же самое я говорю сейчас Вэл.

– Она дома, болеет.

– Чушь собачья!

– Но так и есть!

– Тогда почему мне нельзя с ней увидеться? Почему она не отвечает на мои звонки и сообщения? У нее ведь не какая-нибудь холера! Просто грипп – так говорят. А значит, ей можно встречаться с друзьями.

– Каллум посадил ее на карантин, – вру я.

– Я не верю тебе, – напрямую отвечает она. – По-моему, случилось что-то очень серьезное, и если ты, Рид Ройал, не скажешь мне, что именно, я врежу тебе по яйцам.

– Она дома и болеет, – повторяю я. – У нее грипп.

Вэл открывает рот. Закрывает. Потом снова открывает и издает полный злости вопль.

– Какой ты лгун!

И она исполняет свою угрозу, бросившись на меня и пнув коленом прямо в пах.

Меня пронизывает мучительная боль.

– Мать твою, как больно!

На глазах выступают слезы, и я хватаюсь за промежность.

Вэлери, не сказав ни слова, марширует прочь.

За моей спиной раздается громкое улюлюканье. Я сжимаю свое ноющее от боли хозяйство и постанываю, когда рядом со мной появляется Уэйд Карлайл.

– Чем ты это заслужил? – спрашивает он с ухмылкой. – Отшил ее?

– Типа того.

Он проводит рукой по своим взъерошенным светлым волосам.

– Сможешь подстраховывать меня или нам лучше сначала найти тебе лед?

– Я в состоянии подстраховать тебя, козел.

Мы идем в спортзал – вернее, я ковыляю, а Уэйд хихикает как девчонка. С трех до шести зал находится в распоряжении футбольной команды, а значит, следующие три часа я буду упражняться до полного изнеможения. Именно этим я и занимаюсь. Качаюсь, пока не начинают болеть руки и я не ощущаю себя донельзя выжатым и истощенным.

Вечером я захожу в комнату Эллы и ложусь на ее кровать. С каждым разом ее запах становится все слабее. И я знаю, что это моя вина. Прошлым вечером Ист просунул голову в дверь и сказал, что комната провоняла мной.

Вообще атмосфера в доме стала невыносимой. С тех пор, как пропала Элла, Брук бывает у нас каждый день, цепляется за папу, но смотрит на меня. Иногда ее рука застывает поверх живота, как некое предостережение мне: если вдруг я выкину что-нибудь, она тотчас расскажет о своей беременности. Должно быть, это ребенок отца, то есть мой брат или сестра, но я не знаю, как относиться к данному факту, как мне его переварить. Для меня важно лишь одно – Эллы нет, а вот Брук здесь. Идеальный пример того, насколько все сложно в моем мире.

* * *

Следующий день проходит в точности, как предыдущий.

Я плыву по течению: сижу на уроках, не слушая учителей, а затем иду на поле для послеобеденной тренировки. К сожалению, она посвящена критическим разборам наших игр, и я не смогу никого ударить.

Сегодня у нас домашний матч против школы Девлин-Хай, чья линия обороны рассыпается как дешевый конструктор. Я утрамбую в землю их квотербека. Я буду играть до потери чувств. А когда вернусь домой, надеюсь, у меня не останется сил, чтобы думать об Элле.

Однажды она спросила меня, неужели я дерусь из-за денег. Нет. Я дерусь, потому что это приносит мне наслаждение. Мне нравится, когда мой кулак врезается в чье-то лицо. И я приветствую боль, растущую изнутри, когда кто-то другой наносит удар мне. Вот настоящие эмоции. Острые ощущения, в которых я никогда не испытывал необходимости. Но лишь до тех пор, пока в моей жизни не появилась она. Теперь мне трудно даже дышать, если Эллы нет рядом.

Я протягиваю руку, чтобы открыть двери черного входа в здание, когда оттуда высыпает компания парней. Один из них толкает меня плечом, а потом рявкает:

– Смотри, куда идешь, Ройал!

Я тут же напрягаюсь, скрестившись взглядами с Дэниелом Делакортом, мразью, который накачал Эллу наркотиками на одной из вечеринок в прошлом месяце.

– Рад снова видеть тебя, Делакорт, – растягивая слова, говорю я. – Удивительно, что твоя жадная до девчонок в отключке задница по-прежнему в Астор-Парке.

– Чему удивляться, – он презрительно усмехается. – Здесь же позволяют учиться всяким отбросам.

Не пойму, кого он имеет в виду: меня или Эллу.

Но, прежде чем мне удастся ответить, мимо нас пробегает девушка, закрывая лицо руками. Громкие, захлебывающиеся рыдания отвлекают нас с Дэниелом, и мы наблюдаем, как она подбегает к белому «пассату», стоящему на парковке для учеников, и залезает в машину.

Делакорт с усмешкой поворачивается ко мне.

– Разве это не подружка близнецов? Что случилось? Они устали от своей мочалки?

Я разворачиваюсь и опять смотрю на девушку, но это точно не Лорен Донован. Она светловолосая, высокая и стройная, Лорен же – рыжая и миниатюрная.

С презрительным видом я поворачиваюсь к Дэниелу.

– Не понимаю, о чем ты.

У близнецов и Лорен более чем странные отношения, но это их личное дело, и я не собираюсь снабжать Делакорта оружием против моих братьев.

– Ну, еще бы, – его губы кривятся в усмешке. – Вы, Ройалы, больные на голову. Близнецы делят одну девчонку на двоих. Истон трахает все, что движется. А ты и твой папаша суете свои концы в одну и ту же дырку. Вы со стариком обмениваетесь впечатлениями об Элле? Готов поспорить, что да.

Я сжимаю ладони в кулаки. Было бы здорово сейчас вырубить ублюдка, но его отец – окружной судья, и подозреваю, будет весьма непросто откупиться от обвинений в насилии, состряпанных Делакуртами.

После моей последней драки в Асторе папа пригрозил, что в следующий раз отправит близнецов в военное училище. Тогда нам удалось все уладить, потому что остальные ребята поклялись, что тот подонок первым полез в драку. Я не помню, так ли было на самом деле. Все, что осталось в памяти, – это как он обозвал мою маму шлюхой и наркоманкой и сказал, что она специально покончила с собой, чтобы больше никогда не видеть меня и моих братьев. И мои глаза застлала красная пелена.

– А еще я слышал, что твой папочка обрюхатил маленькую сиротку Эллу, – войдя во вкус, продолжает насмехаться Дэниел. – Каллум Ройал – педофил. Бьюсь об заклад, совет директоров «Атлантик Авиэйшн» будет рад об этом узнать.

– Заткни пасть! – предупреждаю я.

И бросаюсь к нему, но рядом вдруг появляется Уэйд и оттаскивает меня назад.

– И что ты собираешься сделать, ударить меня? – задирается Дэниел. – Мой папа судья или ты забыл? Тебя упекут в тюрьму, не успеешь и глазом моргнуть.

– А твой папочка знает, что когда ты подбираешься к телке, то сперва накачиваешь ее наркотой?

Уэйд отталкивает Дэниела.

– Шагай куда шел, Делакурт. Ты здесь лишний.

Дэниел тупой как баран, и не слушает, что ему говорят.

– Думаешь, он не знает? Он откупался от девок и раньше. А твоя Элла будет молчать, потому что у нее во рту постоянно член кого-то из Ройалов.

Рука Уэйда перехватывает мой удар. Если бы это был только один Уэйд, мне бы удалось отделаться от него. Но появляются еще два парня из моей команды,

хватают Дэниела и оттаскивают прочь, а он все никак не может заткнуться.

– Ты теряешь свою власть над школой, Ройал! Скоро ты не будешь королем.

Как будто мне есть какое-то дело до школы.

– Утихомирься, – предупреждает меня Уэйд. – Сегодня у нас игра.

Я выворачиваюсь из его хватки.

– Этот мерзавец пытался изнасиловать мою девушку.

Уэйд моргает.

– Твою девушку?.. погоди, ты хотел сказать, твою сестру? – У него отвисает челюсть. – Ох, мужик, ты закрутил со своей сестрой?

– Она мне не сестра, – рычу я. – Мы не состоим даже в дальнем родстве.

Я отталкиваю Уэйда и наблюдаю, как Дэниел садится в машину. Похоже, он не уяснил урок, который преподали ему Элла и несколько ее друзей, когда раздели его и связали, чтобы отомстить за то, что он проделал с ней.

Но в следующий раз, когда наши пути пересекутся, он так легко не уйдет.

* * *

Пока тренер обсуждает с Уэйдом, нашим квотербеком, последние изменения, я сосредоточенно наматываю пластырь сначала на одну руку, потом на другую. Мой ритуал перед матчем остается неизменным с тех пор, как я начал играть в американский футбол, и обычно эта рутина помогает сконцентрироваться, сфокусироваться только на том, что будет происходить на поле.

Одеться, наклеить пластырь, послушать музыку. Сегодня это 2 Chainz и Канье Уэст, которые просят меня похоронить их рядом со шлюхами.

Но ритуал не срабатывает. Я могу думать только об Элле. Одинокой. Голодной. Напуганной. Окруженной похотливыми парнями в стриптиз-клубе или на улице. Сцены, которые описывал мне Истон на автовокзале, продолжают снова и снова всплывать в голове. Над Эллой надругались. Элла плачет. Элле нужна помощь, но никто не отзывается.

– Ты еще с нами, Ройал?

Резкий окрик приводит меня в себя, и я поднимаю глаза на раздраженное лицо тренера.

Истон, который стоит напротив меня, делает знак пальцем: пора заканчивать и выходить на поле.

– Да, сэр.

Через короткий тоннель, вслед за играющим в поло Гейлом Хардести и его лошадью, мы выбегаем на стадион. Удивительно, как за все время, что продолжается этот балаган, никто из нас не наступил в лошадиное дерьмо.

Я бью обмотанным пластырем кулаком в ладонь другой руки. Истон подбегает ко мне.

– Разгромим уродов!

– Еще как!

Сейчас между нами полное взаимопонимание. Мы не можем выплеснуть злость друг на друга, но сейчас будет матч, а потом – бои. Может, нам обоим удастся прийти в норму.

Девлин-Хай выигрывает в жеребьевке и выбирает возврат начального удара, получая право первого нападения. Мы с Истоном ударяем шлемами и бежим на защиту.

– Сколько вы заплатили судьям сегодня? – весело кричит тайт-энд, когда я встаю в линию игроков напротив него.

Болтливый придурок. Не помню, как его зовут. Бетми. Беттински. Беттмэн? Да и какая разница. Посмотрю на свитере, когда впечатаю его зад в поле на пути к их квотербеку.

Мяч в игре, мы с Истоном несемся к игрокам нападения за линию розыгрыша. Тайт-энд едва касается меня, и мы уже там, встречаем раннингбэка, который только что получил в руки мяч. Я опускаю голову и врезаюсь плечом ему в живот. Он выпускает мяч, и, судя по тому, как громко взревели зрители, кто-то из Астор-Парка сумел пробежать еще дальше.

Товарищ по команде хватает меня за щитки и поднимает на ноги, а Истон тем временем пересекает голевую линию.

Я опускаю глаза на раннингбэка и подаю ему руку.

– Чувак, осторожнее: мы с Истоном сегодня в паршивом настроении и собираемся оторваться на вас. Передай всем своим.

Парнишка тревожно смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

К нам проталкивается Беттмэн.

– Повезло тебе. Но в следующий раз на земле будет твоя задница.

Я оскаливаюсь.

– Давай, попробуй!

Может, если меня будут сбивать почаще, я смогу хотя бы на пять секунд перестать думать об Элле.

Уэйд хлопает меня по шлему.

– Отличный перехват, Ройал.

Он победно кричит, когда Ист выходит с поля.

– Собираешься оставить нападающих на поле, Истон?

– А что? У нас вся ночь впереди. К тому же, слышал, ты растянул себе пах с той чирлидершей из Норт-Хай.

Уэйд широко улыбается.

– Она гимнастка, а не чирлидерша. Но да, если ты хочешь забить еще, я только «за».

Глядя поверх его плеча, я вижу Лиам Хантера, который со злобой смотрит на нас. Ему хочется проводить в игре побольше времени. Он в выпускном классе, и ему нужно показать себя.

У меня нет никаких проблем с Хантером, но из-за того, как он сейчас смотрит на меня, мне хочется вмазать по его квадратной челюсти. Проклятье. Мне нужно подраться.

Я бью шлемом по руке. В то же время на поле Беттмэн продолжает тарыхтеть, его рот работает лучше, чем блокировки. После первой четверти я встаю прямо перед ним, но Истон оттаскивает меня.

– Оставь силы на потом, – предупреждает он.

К перерыву после половины матча за нами уже четыре тачдауна: еще один во время защиты и два во время нападения. Хантер записывает на свой счет парочку ярких моментов, которые пригодятся ему для колледжа, разметав несколько защитников. Теперь мы должны быть в хорошем настроении.

Тренер даже не произносит перед нами никаких мотивирующих речей. Он прохаживается, похлопывает игроков по голове, а затем скрывается в своем кабинете, чтобы подумать о перестановках в составе, покурить или подрочить.

Пока остальные парни болтают про вечеринку после матча и телок, я достаю телефон и отправляю сообщение.

Бои будут?

Посмотрев на Истона, я беззвучно произношу: «Ты идешь?».

Он выразительно кивает. Перебрасывая телефон из руки в руку, я жду ответа.

Бой в 11. Док 10. Ист будет?

Будет.

Тренер выходит из кабинета и показывает, что перерыв окончен. Когда защита снова набирает очки, нам говорят, что это будет последний даун для состава, который начал игру. А значит, мне придется просидеть на скамейке до конца третьей четверти и всю четвертую. Отстой.

Когда я встаю на линию напротив Беттмэна, от моего самообладания не осталось почти ничего. Я упираюсь рукой в искусственное покрытие поля и разминаю ноги.

– Слышал, у твоей новой сестрички такая большая дыра, что туда влезают два Ройала.

И я срываюсь. Глаза застилает красная пелена, и я оказываюсь верхом на ублюдке еще до того, как он успевает оторвать руки от искусственного газона. Я срываю с него шлем и бью правым кулаком. Хрящ и кость его носа ломаются. Беттмэн кричит. Я снова бью. Но несколько пар рук оттаскивают меня от него прежде, чем мне удастся нанести очередной удар.

Судья свистит в свисток прямо у меня перед лицом и показывает большим пальцем за свое плечо.

– Ты удален! – орет он, покраснев сильнее, чем вареный рак.

С боковой линии мне кричит тренер.

– Где твоя голова, Ройал? Где твоя гребаная башка?!

Моя голова у меня на плечах. Никому не позволено так говорить про Элли.

Вернувшись в раздевалку, я снимаю форму и сажусь на полотенце перед своим шкафчиком. До меня доходит, какую ошибку я совершил. Меня больше ничего не отвлекает, и все, что мне остается, – снова думать об Элле.

Я стараюсь отогнать от себя мысли о ней, прислушиваясь к приглушенным свистам и реву трибун, доносящимся с поля, но воспоминания вспыхивают перед глазами, как трейлер фильма.

То, как она приехала в наш дом, такая сексуальная, что глаз не оторвать.

То, как она заявила на вечеринку у Джордан, разодетая, как на прием к королеве, и мне так хотелось сорвать с нее одежду и наклонить над балюстрадой.

То, как она танцевала. Черт, как же она танцевала!

Я вскакиваю на ноги и иду в душевую. Злой, охваченный вождением, я выворачиваю барашек на кране с холодной водой и встаю под ледяные струи.

Но это не помогает.

Желание не ослабевает. Черт, есть ли смысл сопротивляться ему?

Я беру свой член в руку и закрываю глаза, представляя, что нахожусь в доме Джордан Каррингтон и наблюдаю за движениями Эллы. Какое у нее соблазнительное тело: длинные ноги, тонкая талия и идеальная грудь. Дребезжащая музыка из телевизора превращается в чувственную мелодию, которая отзывается в покачивании ее бедер и изящных движениях рук.

Я еще сильнее сжимаю в руке свой член. Картинка меняется, и вместо дома Каррингтонов мы оказываемся в ее комнате. Я помню ее вкус. Какая она сладкая. Как ее рот открылся идеальной, соблазнительной буквой «О», когда она кончила первый раз.

И я не выдерживаю. Внизу спину покалывает от напряжения, и я представляю ее под собой, выгоревшие на солнце волосы разметались на моей коже, глаза смотрят на меня с ненасытным желанием.

Когда тело расслабляется, ненависть к самому себе возвращается с новой силой. Я таращусь на свою руку, сжимающую член. Если можно пасть еще ниже, то я уже на полпути туда.

Оргазм оставляет после себя лишь опустошение. Я включаю горячую воду, моюсь, но не чувствую себя чистым.

Надеюсь, что тот, с кем мне предстоит сегодня драться, будет огромным заносчивым засранцем и заставит меня купаться в боли – то, что должна была бы сделать Элла, но не сделала, потому что ее здесь нет.

Глава 5

Мы с Истоном пропускаем вечеринку после игры и мчимся домой, чтобы убить час перед боем. Когда я съезжу кому-нибудь по морде в доках, самоконтроль частично вернется ко мне и в голове немного прояснится.

– Мне нужно позвонить Клэр, – бурчит Истон, когда мы входим в дом. – Хочу узнать, сможет ли она приехать позже.

– Клэр? – я морщу лоб. – Не знал, что ты еще трахаешь ее.

– А я не знал, что ты трахал Брук. Поэтому мы с тобой квиты.

Он поднимает телефон к уху и оставляет меня в одиночестве.

Мне обидно. Ист почти не общается со мной с тех пор, как Элла уехала.

Поднявшись на второй этаж, я вижу, что дверь в мою комнату слегка приоткрыта, и на меня наступает тошнотворное ощущение дежавю. Как будто

меня вдруг вернули в тот вечер понедельника, когда я обнаружил в своей кровати Брук.

Клянусь богом, если сука снова начнет играть со мной в свои игры, я за себя не ручаюсь.

Но я вижу Гидеона. Развалившись на моей кровати, он водит пальцем по экрану телефона. Когда я вхожу, меня встречает его затуманенный взгляд.

– Не знал, что ты приедешь на выходные, – беспечным тоном говорю я.

Во вторник я отправил ему сообщение, дав знать, что Элла пропала, но всю неделю, когда он звонил мне, я скидывал звонок. У меня не было настроения выслушивать, как Гид играет на моей совести.

– Но был бы рад, если бы я не приехал, да?

– Не понимаю, о чем ты.

Стараясь не встречаться с ним взглядом, я снимаю с себя футболку и надеваю майку.

– Чушь собачья! Ты избегаешь разговора с тех пор, как Элла уехала из города. – Гидеон встает с кровати и подходит ко мне. – Но больше тебе не сбежать, братишка.

– Слушай, нечего делать из мухи слона, ладно? Мы с Эллой... были вместе. Ну и что с того?

– Если в этом нет ничего такого, тогда почему ты скрывал это от меня? Почему мне пришлось узнавать обо всем от Иста? И о чем, черт побери, ты думал, когда закрутил с ней? Хватит впутывать всех в наши заморочки...

– Твои заморочки, – обрываю я его, но уже жалею о сказанном, потому что Гид вздрагивает, как от удара.

– Ты прав, – бормочет он. – Мои заморочки. Наверное, было глупо считать, что мой брат поддержит меня.

– Я поддерживаю тебя. И ты это знаешь. Но Элла тут совершенно ни при чем. – От ощущения беспомощности сжимается горло. – Наши отношения...

Гидеон перебивает меня хриплым смешком.

– Ваши отношения? А ты – счастливчик. Должно быть, это мило. Когда-то у меня тоже такое было.

Я проглатываю резкий ответ. Понимаю, он сейчас в отчаянии, но в том нет ни капли моей вины. Он сделал все сам.

– А знаешь, что у меня есть сейчас? Абсолютно ничего. – Гидеон меряет шагами комнату и, кажется, готов вырвать все свои волосы.

– Мне жаль. – Совершенно неуместный ответ, но больше ничего не приходит на ум.

– Правильно. И держись подальше от Эллы. Она – хорошая девушка, а ты только навредишь ей.

Правдивость его слов прожигает сильнее, чем его осуждающий взгляд. Горло стискивает чувство вины.

– Может, и так, – охрипшим голосом отвечаю я, – но я не могу отпустить ее.

– Не можешь? Вернее, не хочешь. – Лицо Гидеона становится красным. – Забудь Эллу.

Это невозможно.

– Какой ты эгоистичный ублюдок, – шипит мой брат, когда видит в моих глазах отказ.

– Гид...

– У меня тоже была своя Элла. У меня была девушка, с которой я хотел прожить всю жизнь, но я разбил ей сердце. Сейчас она обижена на весь мир и не может мыслить здраво. Ты хочешь, чтобы то же самое произошло и с Эллой? Хочешь стать таким же, как наш отец? Довести человека до самоубийства, потому что она будет вне себя от страданий?

– Хм.

Мы оба разворачиваемся и видим в дверном проеме Истона. Настороженный взгляд его голубых глаз перемещается с меня на Гида.

– Даже не буду спрашивать, не помешал ли вам я, – говорит он. – Потому что это очевидно. Но извиняться тоже не буду.

Гидеон стискивает челюсти.

– Дай нам минуту, Ист. Это тебя не касается.

Щеки нашего младшего брата вспыхивают. Он входит в комнату и закрывает дверь.

– Ни за что. Вам меня больше не выгнать. – Ист тычет пальцем в грудь Гидеона. – Мне до смерти надоели ваши секреты и перешептывания. Дай мне угадать, Гид. Ты знал, что Рид трахал Брук.

Гид пожимает плечами.

Ожесточенный взгляд Иста останавливается на мне.

– Что, я не так много значу, чтобы быть в теме?

От досады я стискиваю зубы.

– Это была просто глупая ошибка, ясно? И с каких пор тебя стали интересоваться телки, с которыми я трахаюсь? Хочешь заменить мой член, да?

За это мне прилетает кулаком в солнечное сплетение.

Я, спотыкаясь, делаю несколько шагов назад и ударяюсь плечом об угол комода. Но сдачи не даю. У Иста чуть ли не пена выступает на губах от бешенства. Я еще ни разу не видел его таким злым. Последний раз он бил меня, когда мы были детьми. Спорили из-за видеоигры, наверное.

– Может, мне стоит позвонить Брук? – продолжает кипятиться Истон. – Как думаете? Ведь, похоже, секс с папиной подружкой – это что-то типа условия для получения VIP-пропуска в ваш круг особо приближенных. Если я спущу перед ней штаны, то у вас не будет другого варианта, кроме как держать меня в курсе всего происходящего, верно?

В ответ Гид только молчит.

Я тоже ничего не говорю. Какой смысл, когда Ист в таком расположении духа.

Проводя обеими руками по волосам, он рычит от досады.

– А знаете что? Да пошли вы оба! Катитесь к чертям вместе со своими секретами! Только потом не ползите ко мне, когда вам нужно будет прикрыть спину.

Он вылетает из комнаты и хлопает дверью так, что дрожат стены. Мы продолжаем стоять в оглушающей тишине. У Гида изнеможенный вид. Я тоже как выжатый лимон. Мне нужно подраться. Нужно выплеснуть агрессию, чтобы не обидеть никого, кто находится под этой крышей.

Глава 6

На следующее утро я еле-еле поднимаю себя с кровати, все тело протестует против даже самых простых движений. Честно говоря, вчера вечером я был не в

лучшей форме. Да, меня вела слепая ярость, но вот стойкости было недостаточно. Я получил несколько ударов, от которых сейчас морщусь.

Синяк на ребрах слева стал фиолетово-зеленым. Я роюсь в вещах, чтобы достать футболку посвободнее и скрыть место ушиба, а потом надеваю спортивные штаны.

Спустившись на кухню, первым делом я вижу примостившуюся на коленях у отца Брук. Еще только половина десятого, но папина рука уже сжимает стакан скотча, который опять наполнен до краев. Наверное, если бы я был с Брук, то тоже бы пил двадцать четыре часа в сутки, но, черт, почему он не видит ее настоящую?

– Есть новости от детектива? – спрашиваю я у отца.

Он коротко качает головой.

– Пока ничего.

– Меня прямо наизнанку выворачивает, – стонет Брук. – Бедная девчушка, совсем одна.

Она касается папиной щеки.

– Дорогой, тебе следует серьезно поговорить с Истоном о его любви к азартным играм. Ты только представь, каким страшным, должно быть, был тот букмекер, раз так сильно напугал Эллу.

Брук поднимает глаза над папиной головой, встречается со мной взглядом и подмигивает.

Гребаный кошмар, вот что это такое. Я пытаюсь отвлечь себя завтраком. Сандра пришла рано, и в духовке нас ждет стопка гренков и стопка бекона. Я накладываю себе полную тарелку и встаю, прислонившись к столешнице, не желая садиться за стол, где милуются папа и его дьяволица.

Папа замечает это и пересаживает Брук на стоящий рядом стул.

– Садись, Рид. Мы ведь не животные.

Я бросаю на него злобный взгляд.

– Используешь мамины слова против меня? Как подло, – бормочу я и сразу жалею об этом, потому что папа обиженно поджимает губы.

Брук тоже не выглядит особо счастливой, но лишь потому, что ей нравится притворяться, будто Марии Ройал никогда не существовало.

– Гренки еще остались? – голос Себастиана заставляет Брук промолчать.

– Да, давай положу тебе, – предлагаю я. – Сойер спускается?

– Еще нет. Висит на телефоне.

На губах Себа танцует ухмылка. Думаю, Сойер пишет непристойные сообщения Лорен, подружке близнецов.

И мне вдруг вспоминаются подначивания Дэниела.

– Поосторожнее, ладно? – шепчу я Себу, протягивая ему тарелку.

Он хмурится.

– А тебе какое дело?

– По школе ходят слухи. Я не хочу, чтобы кто-нибудь прибежал к папе с этими сплетнями и вас отправили в интернат.

– А ты у нас такой хороший, что не впутываешься в неприятности? – язвительно усмехается Себ.

Я замечаю, что Брук с большим интересом следит за нами, поэтому поворачиваюсь к ней спиной и понижаю голос.

– Слушай, я забочусь о вас и не хочу, чтобы что-нибудь случилось, но ваши маленькие игры никого не одурачат.

– Не суйся не в свое дело. Мы хотя бы не отказываемся от своей девушки и не заставляем ее сбежать. – Наверное, шок от его слов отражается на моем лице, потому что Себ усмехается. – Да, мы знаем, что это твоя вина, а не Истона. Не настолько мы глупые. И о ней мы тоже знаем, – он кивает головой в сторону Брук. – Держи свое идиотское мнение при себе. Ты ничем не лучше нас.

Себ хватает тарелку и уходит из кухни.

– И что это было? – спрашивает отец.

– Мальчишки всегда такие мальчишки, – щебечет Брук.

На ее губах играет неподдельная улыбка. Она получает наслаждение от наших ссор. Она хочет, чтобы мы ссорились.

Я проглатываю еще гренки, хотя в животе такое ощущение, как будто его нашпиговали свинцом. Не знаю, сможет ли наша семья когда-нибудь оправиться после маминой смерти. Меня всегда будет преследовать эта картина: ее тело, распластанное на кровати, безжизненное лицо, холодные остекленевшие глаза. И только когда Элла рядом, шум в голове затихает.

Теперь же наш мир разваливается на части.

* * *

В доме тихо. Я больше не видел ни Себа, ни Сойера. Не хочу даже думать, где сейчас может быть Гидеон. Ну а Ист избегает меня – он не ответил ни на одно мое сообщение, не перезвонил ни разу.

По-моему, он не будет разговаривать со мной до тех пор, пока не вернется Элла.

Около девяти приходит сообщение от Уэйда – в доме Дикона Миллса намечается вечеринка. Но у меня нет никакого желания напиваться, да и вообще находиться

рядом с алкоголем, и я отказываюсь от приглашения. Но следом отправляю еще одно сообщение.

Дай знать, если Истон появится там. Не знаю, где он.

В одиннадцать Уэйд отвечает.

Твой брат здесь. В стельку пьяный.

Паршиво.

Я обуваю кроссовки и набрасываю на себя рубашку с длинными рукавами. Осень в самом разгаре, и на побережье стало прохладно. Я задумываюсь, как там сейчас Элла. Тепло ли ей. Хорошо ли она спит. Есть ли у нее еда. В безопасности ли она.

Когда я подъезжаю к дому Миллса, там полно народа. Такое ощущение, что зажигает весь наш выпускной класс. После пятнадцати минут безуспешных поисков Истона я сдаюсь и отправляю Уэиду, которого тоже нигде не видно, новое сообщение.

Где он?

В игровой.

Я прохожу мимо гостиной и направляюсь в огромную комнату, которая помимо прочего служит и бильярдной. Уэйд стоит у стола и разговаривает с парнем из нашей команды. Увидев меня, он ловит мой взгляд и кивает налево.

Я поворачиваюсь в ту сторону. Мой брат распластался на диване, на его коленях примостилась блондинка. Белесые волосы закрывают ее лицо словно занавеска, так что мне непонятно, кто это, но зато видно, как ее губы приклеились к губам Иста. Его рука медленно пробирается под ее юбку. Она хихикает, и я застываю на месте. Я знаю этот смех.

Она поднимает голову, и... да, я вижу Эбби.

– Ист! – ору я из дверей.

Он поднимает на меня свои голубые глаза. Они как будто стеклянные, и щеки покраснелись – он напился до потери пульса. Круто, ничего не скажешь.

– Смотри-ка, Эбс, вот и мой старший братец, – заплетающимся языком произносит Ист.

– Пойдем, нам пора, – приказываю я, протягивая ему руку.

Эбби смотрит на меня широко раскрытыми, виноватыми глазами, но сейчас меня волнует Ист. Его демон совсем разошелся, раз он решил замутить с моей бывшей.

– Куда ты спешишь? Мы с Эбс только начали. Правда, детка?

Ее щеки краснеют еще сильнее.

– Рид, – начинает она.

Я не обращаю на нее внимания.

– Поднимайся, – рявкаю брату. – Мы уходим.

– Никуда я не пойду.

– Нет, пойдешь.

Он не двигается.

– Если у тебя никого нет, это не значит, что мой член тоже никому не нужен, правильно, Эбс?

Эбби издает какой-то непонятный звук. То ли соглашается, то ли нет. Мне плевать. Я просто хочу забрать Истона домой, пока он не сделал того, о чем потом пожалеет.

– Твой член получает достаточно внимания.

– Может, мне нужно еще больше, – Ист ухмыляется. – А тебе-то что? Мы оба знаем, что я трахну ее лучше тебя.

Лицо Эбби становится багряным.

– Истон, – натянуто произносит она.

– Что? Ты знаешь, что я прав. – Его нахальный взгляд останавливается на ней. – Ты зря сохнешь по нему, детка. Он хоть раз говорил тебе, что любит? Нет, верно? Потому что он никогда и не любил.

Эбби обиженно ахает.

– Да пошел ты, Истон! Пошли вы оба!

И она пулей вылетает из комнаты.

Истон наблюдает за ее уходом, а потом поворачивается ко мне и начинает смеяться. Холодным, безжизненным смехом.

– Вот и еще одна от тебя сбежала, а, братец? Элла, теперь Эбби...

– Эбби убежала из-за тебя, – я качаю головой. – Оставь ее в покое. Она не игрушка, Ист.

– А что, слишком хороша для такого придурка, как я?

Да.

– Я не это хотел сказать.

Ложь.

– Чушь собачья. Ты не хочешь, чтобы я обесчестил твою непорочную, милую Эбби. Не хочешь, чтобы я испортил ей жизнь. – Истон неуверенной походкой делает несколько шагов вперед. Исходящий от него запах алкоголя чуть не сбивает меня с ног. – Чертов лицемер. Это ты паршивая овца в стаде. Ты единственный, кто портит жизнь девчонкам.

Он подходит еще ближе, почти вплотную ко мне, приближает рот к моему уху и шипит:

– Это ты разрушил Эллу.

Я вздрагиваю.

Все смотрят на нас. Ройалы катятся в ад, леди и джентльмены. Близнецы перестали разговаривать со мной. Наверное, Себ что-то сказал Сойеру, и теперь они оба смотрят на меня так, как будто я прокаженный. Ист пытается забыться от боли, перепихиваясь направо и налево. Гид злится на весь мир. А я? Я просто иду ко дну.

– Ладно. С меня хватит. – Я обхожу его, стараясь держать себя в руках. – Делай что хочешь, приятель.

– А в этом ты чертовски прав, – еле ворочая языком, отвечает он.

Я ловлю взгляд Уэйда и киваю на дверь. Он тут же встречает меня там.

– Убедись, что Ист доберется до дома целым и невредимым, – шепчу я. – Он не в состоянии вести машину.

Уэйд кивает.

– Я прослежу. А ты езжай домой. Завтра все станет лучше.

Если Элла вернется, то да. А если нет? Тогда мы в полном дерьме.

Чувствуя себя беспомощным, я еду домой и пытаюсь не думать о том, как моя жизнь катится в ад. Элла уехала. Ист сам не свой. Брук вернулась. Я не знаю, как

справиться со злостью. И подраться пока нельзя. Ребра еще очень болят. Но с руками все нормально, и поэтому я спускаюсь в тренажерный зал в цоколе и направляю всю свою агрессию на боксерскую грушу.

Я представляю себя на месте этой груши. Я колочу по ней до тех пор, пока на костяшках не выступает кровь, а на ногах – красные отметины.

Но только вот легче мне совсем не становится.

Я смываю пот и кровь под душем, надеваю спортивные штаны и поднимаюсь наверх. В кухне достаю энергетический напиток и с удивлением обнаруживаю, сколько уже времени – перевалило за час ночи. Я провел в подвале почти полтора часа.

Изнеможенный, я тащу свое уставшее тело вверх по ступенькам. Может, сегодня мне, черт подери, удастся наконец поспать. В коридоре темно, все двери, кроме двери в комнату Истона, закрыты. Интересно, он уже вернулся с вечеринки?

Подойдя к своей спальне, я слышу звуки. Приглушенные стоны, вздохи.

Какого черта?

Не дай бог, там опять Брук!

Я рывком открываю дверь, и первое, что вижу, – это голая задница моего брата. Он на моей кровати. Как и Эбби, которая тихо стонет под Истоном. Ее руки сжимают его плечи, ноги обхватывают его бедра. Волосы веером разметались по моей подушке.

– Вы издеваетесь? – рычу я.

Истон останавливается, но его рука не перестает сжимать грудь моей бывшей девушки. Он смотрит на меня через плечо и злобно улыбается.

– Ох, мужик, так это твоя комната? – насмешливо спрашивает он. – Наверное, перепутал со своей. Прости, брат.

Я захлопываю дверь и, спотыкаясь, отступаю назад по коридору.

* * *

Я сплю в комнате Эллы. Вернее, лежу на кровати Эллы и всю ночь размышляю. Утром на кухне натыкаюсь на Иста.

– Эбби была хороша.

Он усмехается и откусывает кусок от яблока.

Я мысленно задаю себе вопрос, как ему понравится, если я возьму это яблоко и засуну ему в глотку. Он, наверное, рассмеется и скажет, что хочет еще одно, только чтобы показать мне. Но что показать? Что он до смерти меня ненавидит?

– Я и не думал, что мы делим одну девушку на двоих, как близнецы.

Я хватаю кувшин, но с излишним рвением, и фильтрованная вода выливается мне на руку.

Ист вымученно смеется.

– А почему бы и нет? Может, если бы я трахал Эллу, она бы не уехала.

Мои глаза застилают кровавая пелена.

– Только коснись ее, и я...

– Если бы она была здесь, ты, придурок! – Он бросает недоеденное яблоко, и оно разваливается на части, ударившись в край шкафчика в сантиметре от моей головы. – Как бы мне хотелось, чтобы это был гребаный кирпич и чтобы он разбил тебе голову.

Да уж, а мы, Ройалы, тут неплохо справляемся.

До конца дня я избегаю встречи с Истом.

Глава 7

Проходит еще одна неделя. Элла по-прежнему не нашлась, и мои братья по-прежнему не разговаривают со мной. Жизнь пошла наперекосяк, и я понятия не имею, как это изменить, поэтому перестаю даже пытаться. Я сдаюсь перед душевной болью, закрываюсь от всего мира и каждую ночь провожу в раздумьях о том, чем сейчас занимается Элла. В безопасности ли она. Скучает ли по мне... Ну конечно, не скучает. Если бы она скучала, то уже давно бы вернулась домой.

В понедельник я встаю с кровати и иду на тренировку. Всем сразу становится понятно, что мы с Истоном в ссоре. Он стоит на одной боковой линии, я – на другой. Между нами больше чем стадион. Черт, между нами такая пропасть, что туда мог бы вместиться весь Атлантический океан.

После тренировки в коридоре меня останавливает Вэл. У меня возникает непроизвольное желание прикрыть яйца.

– Просто скажи мне, что с ней все в порядке, – умоляет она.

– У нее все отлично.

– Она злится на меня? Я что-то не то сделала? – спрашивает Вэл дрожащим голосом.

Проклятье. Почему никто не может взять себя в руки?

– Я кто, ваш личный психотерапевт? Понятия не имею, почему она не звонит тебе, – рычу я из-за охватившей меня злобы.

Лицо Вэл морщится.

– Это подло, Рид. Она и мой друг тоже. У тебя нет никакого права прятать ее от меня.

– Если бы Элла захотела связаться с тобой, она бы тебе позвонила.

Не надо было мне это говорить, но мир и так уже катится в тартарары. Я не могу забрать свои слова назад, потому что Вэл убегает прочь.

Если Элла еще не питает ко мне ненависти, то она точно возненавидит меня со всей силой, когда вернется и увидит весь этот беспредел, который я натворил.

Взбешенный и растерянный, я поворачиваюсь и бью ногой по шкафчику. Металлическая дверца перекашивается от удара, который отдается по всей ноге. Не сказать, что это приятное ощущение.

В коридоре раздается смех. Я разворачиваюсь и вижу, как Ист протягивает руку, а Доминик Брунфелд что-то кладет ему на ладонь. Еще несколько ребят из нашей команды достают банкноты и отдают их Истону.

– Никогда не думал, что увижу, как ты будешь сходить с ума из-за девчонки, – говорит Дом, проходя мимо меня. – Ты подвел всех нас.

Я показываю ему средний палец и жду, когда со мной поровняется Ист.

– Не хочешь объяснить, что здесь происходит?

Ист машет веером из банкнот перед моим лицом.

– Самые легкие деньги в моей жизни. Ты съехал с катушек, брат. И все в школе об этом знают. Когда ты потеряешь самообладание, было лишь вопросом времени. Поэтому Элла и сбежала.

Я тяжело дышу через нос.

– Она вернется.

– Тебе волшебным образом удалось найти ее этой ночью? – он разводит руки в стороны и вертится на месте. – Потому что ее здесь нет. Ты ее видишь? Дом, ты видишь Эллу?

Взгляд Доминика перемещается с меня на Истона и обратно.

– Нет, он ее не видит. А ты, Уэйд? Ты ее видишь? Или она пойдет с тобой в туалет?

– Заткнись, Ист.

В его глазах вспыхивает боль, и он делает движение рукой, как будто закрывает рот на молнию.

– Затыкаюсь, Мастер Рид. Ты же единственный знаешь, как будет лучше для Ройалов, да? Ты все делаешь правильно. Получаешь хорошие оценки. Играешь в футбол. Трахаешь только правильных девчонок. Но вот только когда ты ошибаешься, это затрагивает всех нас. – Он обхватывает рукой мою шею и притягивает к себе так близко, что мы соприкасаемся лбами. – Так почему тогда тебе не заткнуться, Рид? Элла не вернется. Она мертва, как и наша дорогая мамочка. Только в этот раз это не моя вина. А твоя.

Меня захлестывает чувство стыда. Густая, мерзкая субстанция облепляет мои кости и тянет вниз. Я не могу убежать от истины. Брат прав. В маминой смерти есть доля и моей вины, и если Элла мертва, то здесь вина лежит на мне полностью.

Вывернувшись из хватки Истона, я возвращаюсь в раздевалку. До сегодняшнего дня мы с братьями никогда не ссорились на глазах у других. Мы всегда вели себя по принципу «один за всех и все за одного».

Мама ненавидела, когда мы ссорились дома, но совершенно не терпела этого, если мы были где-то за его пределами. Даже если кто-то из нас насмеялся над остальными, она вела себя так, словно мы не ее дети.

Мальчикам Марии Ройал нельзя было опозорить ни ее, ни себя при посторонних. Ей достаточно было неодобрительно посмотреть на нас, и мы уже поправляли на

себе одежду и закидывали руки друг другу на плечи, как будто это день открытых дверей на бейсбольном стадионе и мы просто счастливы так жить – несмотря на то, что секунду назад готовы были поубивать друг друга.

Дверь в раздевалку открывается. Даже не поднимая глаз, я знаю, кто это. И это точно не Ист. Когда он злится, то предпочитает держаться сам по себе.

– В пятницу, до игры, одна из Пастелей отрезала ножницами волосы у девятиклассницы. Девчонка выбежала из школы вся в слезах.

Я замираю. Плохо дело. Наверное, это та самая девчонка, которую видели мы с Делакортом. Она выскочила из здания и спряталась в «фольксвагене».

– Худенькая блондинка? Водит белый «пассат»?

Он кивает и садится рядом со мной на лавку, которая жалобно скрипит.

– За день до этого Дев Хан уничтожила научный проект Джун Чэнь.

– Джун ведь учится по гранту?

– Ага.

– Ха. – Я заставляю себя сесть ровно. – Еще есть интересные истории?

– Эти были самые интересные. Еще я слышал сплетни о других гнусностях, но подтвердить их не могу. Джордан плюнула на какую-то девчонку на уроке естествознания. Гуди Беллингом предлагает пятьдесят кусков любому, кто захочет пустить по кругу членов школьного совета.

Я устало потираю рукой челюсть. Идиотская школа.

– Прошло почти две недели.

– И за эти две недели твои братья перестали разговаривать с тобой, ты сцепился с Делакортом, разбил шкафчик. О, а до того, как уехала Элла, ты вдруг решил,

что тебе не нравится внешность Скотта Гастонбурга, и немного поправил ему лицо.

– Он дерьмовое трепло.

Чувак оскорбил Эллу. И пусть я этого не слышал, но сразу это понял по нахальному выражению его лица, когда мы были в клубе. Он-то думал, что ему все сойдет с рук. Но он плохо меня знает.

– Может, и так. Все, что слетает с языка Гаста, не стоит того, чтобы слушать. Ты сделал всем огромное одолжение, сломав ему челюсть, но в школе становится все хуже. Тебе нужно взять себя в руки.

– Мне плевать на Астор.

– Возможно. Но если школой не будут управлять Ройалы, то она скатится в отстойник. – Уэйд ерзает на жестком металлическом сиденье. – Про Эллу тоже ходят слухи.

– Плевать. Пусть ходят.

– Ты это сейчас так говоришь. А представь, каково ей будет, когда она вернется? Они с Джордан уже на ножах. Да, их драка была чертовски горячей. Но потом тот случай с Дэниелом, а теперь она пропала. Все говорят, что она либо уехала делать аборт, либо восстанавливается после лечения венерических болячек. Если ты прячешь ее, то пора уже вернуть ее, показать всем свою силу.

Я молчу.

Уэйд вздыхает.

– Я понимаю, как тебе не хочется стоять во главе, но, мужик, ты главный, стал им сразу же, как Гид окончил школу. Если ты всепустишь на самотек, то к Хэллоуину здесь будет твориться адский ад. По стенам будут размазаны кишки и мозги. А на Джордан обрушится чей-нибудь праведный гнев, как в «Кэрри»^[1] – «Кэрри» (англ. Carrie) – первый опубликованный роман американского писателя Стивена Кинга о затравленной школьнице Кэрри Уайт и ее способностях к

телекинезу. Книга затрагивает темы религиозного фанатизма и подростковой жестокости. – Здесь и далее прим. переводчика.]

Джордан. От этой курицы одни проблемы.

– Почему бы тебе не стать главным? – тихо говорю я. – У твоей семьи достаточно денег, чтобы купить родителей Джордан.

Уэйд из потомственных богатых аристократов. Мне кажется, часть их состояния до сих пор хранится у них в подвале в виде золотых слитков.

– Дело не в деньгах. Дело в фамилии Ройалов. Вас слушаются. Наверное, потому, что вас так много.

Он прав. Ройалы правят школой с тех пор, как Гид перешел в десятый класс. Не знаю, что именно произошло, но в один прекрасный день мы проснулись, и оказалось, что все смотрят на Гида. Если кто-то выходил за рамки, Гид урезонивал его. Правила были простыми – выбирай равного.

Равного в прямом смысле этого слова. Равного по социальному статусу, по количеству денег на банковском счету, по интеллекту. Если бы Джордан травил кого-нибудь из Пастелей – это было бы нормально. Но Джордан травит учеников-бюджетников, и это плохо.

Элла не попадала ни туда, ни туда. Она не принадлежала к бюджетникам. Но и не была из богатой семьи. А я вообще думал, что она спит с моим отцом. Что он притащил домой шлюху из элитного борделя. Они со Стивом любили наведываться в подобные места во время командировок. Да, мой папа – высший класс.

Я держался на расстоянии и ждал, а все остальные ждали вместе со мной. За исключением Джордан. Она сразу же увидела то, что увидел и я. Что Элла гораздо сильнее, чем те, с кем нам приходилось иметь дело в Астор-Парке. Джордан возненавидела ее. Меня же к ней тянуло.

– Мне не нужна власть, – говорит Уэйд. – Я хочу заниматься сексом, играть в футбол, действовать на нервы друзьям моей матери и напиваться. Я могу

делать все это, даже если Джордан будет третировать любую симпатичную девчонку, которая дышит не так, как она. Но ты – другое дело. В тебе есть сознательность, мужик. Но из-за всего этого дерьма... то, что Дэниел продолжает ходить по школе, словно он и не пытался изнасиловать Эллу... короче, молчание считается вроде как одобрением.

Он поднимается с лавки.

– Народ рассчитывает на тебя. Это то еще бремя, я понимаю. Но если ты не возьмешь ситуацию в свои руки, то начнется кровавое побоище.

Я тоже встаю и иду к двери.

– Тогда пусть школа сгорит, – бормочу я. – Тушить пламя – не моя забота.

– Братан.

Я останавливаюсь в дверном проеме.

– Что?

– Дай мне знать, если сможешь, ладно? Я просто хочу быть в курсе, надо ли мне начинать носить защитный костюм.

Пожав плечами, я смотрю на него через плечо.

– Пусть все катится в ад, мне плевать.

За моей спиной раздается досадливый вздох, но я не собираюсь задерживаться ни на секунду. Пока Эллу не найдут, я не хочу отвлекаться на что-то, кроме ее поисков. Если кому-то еще плохо, ну и пусть. Нам будет плохо всем вместе.

Я плетусь по коридору, опустив голову. Мне почти удастся дойти до класса, ни с кем не столкнувшись по дороге, когда вдруг меня окликает знакомый голос.

– Что случилось, Ройал? Обижаешься из-за того, что никто не хочет с тобой играть?

Я останавливаюсь. Лающий смех Дэниела Делакурта заставляет меня развернуться к нему лицом.

– Прости, не расслышал тебя, – сухим тоном говорю я. – Может, повторишь? Только в этот раз для моего кулака?

Он спотыкается о собственные ноги, потому что трудно не заметить угрозу в моем голосе. Коридор наполняется учениками, у которых закончились факультативы: музыкальный кружок, команда по дебатам, команда поддержки, научный кружок.

Я намеренно надвигаюсь на него, в крови бурлит адреналин. В прошлый раз мне удалось ударить ублюдка, но лишь единожды. Мои братья оттащили меня, пока я не покалечил его.

Но сегодня меня никто не остановит. Стая зверей – ученики Астор-Парка – почуяли кровь.

Делакурт отодвигается в сторону, не глядит на меня, но и боится поворачиваться ко мне спиной. «Я не из тех, кто бьет в спину, – хочется сказать ему. – Скорее, это в твоих привычках».

Но Делакурт считает иначе. Он чокнутый и всегда охотится за теми, кто, по его мнению, слабее его.

От его худощавого тела исходят волны злобы. Ему не нравится показывать свою трусость. В конце концов папочка всегда отмажет его. Да и пусть, но только папочки сейчас здесь нет.

– Ты всегда за насилие, да, Ройал? Думаешь, что кулаки решат все твои проблемы?

Я усмехаюсь.

– Ну, я хотя бы не использую наркоту, чтобы решать свои проблемы. Девчонки не хотят тебя, и ты накачиваешь их наркотиками. Такие у тебя методы, да?

– Элла хотела этого.

– Мне не нравится, когда ты произносишь ее имя. – Я делаю шаг вперед. – Тебе лучше забыть его.

– Или что? Мы будем драться на дуэли, пока один из нас не умрет?

Он раскидывает руки, приглашая остальных посмеяться вместе с ним, но они либо ненавидят его, либо боятся меня, потому что никто не издает ни звука.

– Нет. По-моему, ты ничтожество. Ты напрасно забираешь воздух, который с большим успехом мог бы вылетать из чьей-то задницы. Я не могу тебя убить – все эти идиотские законы и все такое, – но я могу причинить тебе боль. Сделать каждую минуту твоей жизни несчастной, – уверенным тоном говорю я. – Лучше бы тебе уйти из этой школы, парень. Никто не хочет тебя здесь видеть.

Дэниел начинает тяжело дышать.

– Это тебя здесь никто не хочет видеть, – презрительно усмехается он.

Затем оборачивается к толпе в поисках поддержки, но наших зрителей интересует лишь одно – когда же прольется кровь. Они сдвигаются ближе, выталкивая Дэниела вперед.

Тут его трусость выходит наружу. Он бросает в меня свой телефон, пластиковый корпус ударяется в мой лоб. Ученики ахают. По лицу течет теплая алая струйка, застилая глаза, капая на губы.

Я мог бы ударить его. Это проще простого. Но я хочу, чтобы он действительно страдал. Чтобы мы страдали оба. Поэтому я хватаю его за плечи и бью своим лбом в его лоб.

Его лицо окрашивается моей кровью, и я довольно улыбаюсь.

– Ну вот, твое личико заметно похорошело. Посмотрим, что я еще смогу сделать.

И я даю ему пощечину. Со всей силы.

Он краснеет от злости, вызванной пренебрежением, с которым я ударил его. Пощечина – оружие девчонок, парни так не дерутся. От очередного шлепка открытой ладонью раздается хлопок. Дэниел делает шаг назад, но далеко ему не уйти – путь к отступлению загораживают шкафчики.

Ухмыляясь, я делаю шаг вперед и снова отвешиваю ему пощечину. Он блокирует меня рукой, и при этом вся левая сторона его лица остается открытой. Я два раза шлепаю его по левой щеке и отхожу.

– Ударь меня, – кричит он. – Ударь меня кулаком!

Моя ухмылка становится шире.

– Ты не заслуживаешь моих кулаков. Так я буду драться только с мужчиной.

Я опять шлепаю его по щеке, но в этот раз сильнее, и кожа лопается. Из раны выступает кровь, но это не удовлетворяет мое желание отомстить. Я хлопаю его по одному уху, потом по другому. Он слабо пытается защититься.

Дэниел надувает губы, собирая слюну. Я делаю ложный выпад влево, и плевок пролетает мимо. С выражением отвращения на лице я хватаю его за волосы и бью лицом о шкафчик.

– Когда Элла вернется, ей не захочется видеть здесь мусор типа тебя, так что уходи или тренируй способность становиться невидимым, потому что я не хочу больше ни видеть, ни слышать тебя.

Я не жду, когда он ответит мне, снова бью его лбом о шкаф и отпускаю.

Он – все семьдесят семь кило убожества – валится на пол, словно поломанная игрушка.

Я оборачиваюсь и натываюсь на стоящего рядом Уэйда.

– Думал, тебе плевать, – шепчет он.

Я улыбаюсь ему, но, должно быть, в моей улыбке слишком много звериной жестокости, потому что все, кроме Уэйда и его вечной тени, Хантера, отступают назад.

Наклонившись, я поднимаю с пола телефон Дэниела, потом переворачиваю его самого и беру его обмякшую руку. Затем прижимаю его большой палец к экрану, чтобы разблокировать телефон, и набираю номер своего отца.

– Каллум Ройал, – с раздражением отвечает он.

– Привет, пап. Тебе нужно приехать в школу.

– Рид? С какого номера ты звонишь? – сердито спрашивает отец.

– С телефона Дэниела Делакурта. Сына судьи Делакурта. И захвати свою чековую книжку. Я как следует навалял ему. Но он сам напрашивался на это, в буквальном смысле, – радостно сообщаю я.

Я вешаю трубку и провожу рукой по лицу, потому что кровь из раны на лбу затекает в глаз. Переступив через Дэниела, я нараспев произношу:

– До скорого, Уэйд. Хантер, – я киваю на прощание нашему огромному молчаливому нападающему.

Он отвечает таким же кивком, и я выхожу на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

* * *

Папа вне себя от ярости, когда входит в приемную, соседствующую с кабинетом директора Берингера. Он ничего не говорит про мой разбитый лоб. Просто хватается меня за лацканы школьного пиджака и притягивает к себе.

– Этому пора прекратиться, – шипит он.

Я высвобождаюсь из его хватки.

– Успокойся. Я уже больше года не дрался, – напоминаю я ему.

– И хочешь медаль за это? Или похлопать тебя по спине? Господи, Рид, сколько еще раз нам придется проходить через это? Сколько еще чертовых чеков мне нужно будет выписать, пока ты не поумнееешь?

Я смотрю прямо ему в глаза.

– Дэниел Делапорт накачал Эллу наркотиками на одной из вечеринок и попытался изнасиловать ее.

Папа резко втягивает в себя воздух.

– Мистер Ройал.

Мы поворачиваемся на голос секретаря Берингера, которая стоит у открытой двери в кабинет директора.

– Мистер Берингер готов принять вас, – чопорно объявляет она.

Папа проходит мимо меня.

– Оставайся здесь. Я со всем разберусь, – бросает он через плечо.

Я стараюсь не показать свое ликование. Мне придется болтаться здесь, пока папа попытается уладить неприятную историю, в которую я попал. Хотя я не считаю это «неприятной историей». Делапорт сам напросился. Он заслуживал расправы с той ночи, когда хотел надругаться над Эллой, но я отвлекся от своей мести, потому что был занят тем, что все больше влюблялся в эту девушку.

Я опускаюсь на мягкое сиденье стула и старательно избегаю встречаться с осуждающими взглядами директорского секретаря, которые она то и дело

бросает в мою сторону.

Папина встреча с Берингером длится меньше десяти минут. А точнее, семь, если часы над дверью показывают правильное время. Он выходит из кабинета с триумфальным блеском в глазах, каким обычно бывает после заключения очень выгодной сделки.

– Все улажено, – говорит он мне и дает знак следовать за ним. – Возвращайся на занятия, но после школы езжай сразу домой. И скажи своим братьям сделать то же самое. Никаких лишних остановок. Я хочу, чтобы вы все были дома.

Я моментально напрягаюсь.

– Зачем? Что происходит?

– Я собирался подождать и сказать тебе после уроков, но... раз я все равно уже здесь... – Папа останавливается посреди огромного, отделанного деревом вестибюля. – Детектив нашел Эллу.

Пока я пытаюсь переварить эту потрясающую новость, отец выходит через парадный вход, оставляя меня в полном недоумении пялиться ему в спину.

Глава 8

Элла

Автобус въезжает в Бейвью слишком быстро. Я не готова. Но я никогда не буду готова. Во мне живет предательство Рида. Оно ползет по венам, словно черная смола, уничтожает мое сердце, как скоротечный рак.

Рид уничтожил меня. Он обманул меня. Заставил поверить, что в этом ужасном, рехнувшемся мире может существовать что-то хорошее, что может существовать кто-то, кто по-настоящему переживает обо мне.

Надо было быть умнее. Всю свою жизнь я провела в нищете, лихорадочно пытаюсь выбраться из нее. Я любила свою мать, но мне всегда хотелось получить от жизни куда больше, чем она могла мне дать. Я не хотела, чтобы мое существование ограничилось сомнительного вида квартирками, заплесневелыми обьедками и отчаянными попытками свести концы с концами.

Каллум Ройал дал мне то, чего не могла мама: деньги, образование, роскошный особняк, семью и...

«Иллюзию», – произносит язвительный голос в моей голове.

Пожалуй, так и есть. А самое печальное то, что Каллум даже не догадывается об этом. Он сам не понимает, что живет в доме, полном лжи.

А может, и понимает. Может, он прекрасно знал, что его сын спит с...

Нет. Не буду думать о том, что видела в комнате Рида в ту ночь, когда убежала из города.

Но картинки уже начинают появляться перед глазами.

Рид и Брук на его кровати.

Брук голая.

Брук ласкает его.

Я издаю сдавленный звук, как будто меня сейчас вырвет, и пожилая женщина, сидящая в противоположном ряду, с беспокойством смотрит на меня.

– Ты в порядке, милая? – спрашивает она.

Я сглатываю слюну, подавляя позыв к рвоте.

– Все нормально, – слабым голосом отвечаю я. – Немного побаливает живот.

– Потерпи немного, – говорит женщина с ободряющей улыбкой. – Сейчас уже откроют двери, и мы тут же сможем выйти.

Боже, нет. «Тут же» – это слишком быстро. Я вообще не хочу выходить из этого автобуса. Я не хочу денег, которые заставил меня взять Каллум в Нэшвилле. Не хочу возвращаться в особняк Ройалов и притворяться, что мое сердце не разбито на миллионы осколков. Не хочу видеть Рида или выслушивать его извинения, если он вообще собирается извиняться.

Когда я застала его с подружкой его же отца, он не сказал ни слова. Ни слова. Хотя, кто знает, может, я войду в дом и выяснится, что Рид снова стал таким же жестоким, как раньше. На самом деле, может, так даже лучше, тогда я смогу забыть, что когда-то любила его.

Я вылезаю из автобуса, крепко сжимая лямку рюкзака. Солнце уже село, но вокзал залит светом. Вокруг суетятся люди, а шофер достает багаж из отделения внизу автобуса. У меня с собой нет ничего, кроме рюкзака.

Я убежала, не взяв ничего из тех классных шмоток, что купила мне Брук, и теперь все они ждут меня в особняке. Как бы мне хотелось сжечь каждую тряпку! Я не хочу носить ту одежду, не хочу жить в том доме.

Почему Каллум не может оставить меня в покое? Я могла бы начать новую жизнь в Нэшвилле. Я даже могла бы быть счастливой. Когда-нибудь – точно.

Но вот я снова в когтях Ройалов, потому что Каллум использовал все мыслимые и немыслимые угрозы, чтобы вернуть меня. Поверить не могу, как далеко он зашел, чтобы найти меня. Как оказалось, у каждой банкноты из тех десяти тысяч, что он дал мне, есть свой серийный номер – ему пришлось лишь подождать, когда я воспользуюсь одной из них, чтобы определить мое местонахождение.

Не хочу даже знать, сколько законов нашей страны он нарушил, чтобы отследить серийный номер стодолларовой банкноты. Но, похоже, люди типа Каллума стоят выше закона.

Раздается гудок машины, и я застываю на месте, когда у обочины останавливается черный лимузин. Тот самый, что ехал за автобусом из Нэшвилла

до самого Бейвью. Из машины выходит водитель – это Дюран, шофер и телохранитель Каллума. Здоровый, как гора, и внушающий вселенский ужас.

– Как доехала? – мрачным голосом спрашивает он. – Есть хочешь? Может, нам где-нибудь остановиться, чтобы ты поела?

Дюран никогда не говорил так много, и я думаю про себя, что, наверное, это Каллум приказал ему быть повежливее со мной. Я таких приказов не получала, поэтому совсем не вежливо отвечаю:

– Садись в машину и поехали.

Его ноздри раздуваются.

Мне ничуть не стыдно. Я ненавижу этих людей. С этого момента все они – мои враги. Они надзиратели в тюрьме, а я заключенная. Они мне не друзья, не семья. Для меня они пустое место.

* * *

Дюран останавливает машину на круглой подъездной дорожке. Такое ощущение, что в особняке включена каждая лампочка. А если учесть, что дом похож на вытянутый прямоугольник, состоящий из одних лишь окон, то яркий свет просто слепит глаза.

Дубовые двери на украшенном колоннами крыльце открываются, и появляется Каллум. Его темные волосы идеально уложены, сшитый на заказ костюм подчеркивает широкоплечую фигуру.

Я выпрямляюсь, готовясь к очередному противостоянию с ним, но мой опекун грустно улыбается и произносит:

– С возвращением.

Однако в его приветствии я не вижу ничего доброжелательного. Этот человек выследил меня в Нэшвилле и угрожал мне. Его список ужасных последствий,

если я откажусь вернуться, казался бесконечным.

Он может сделать так, чтобы меня арестовали как беглянку.

Он может донести на меня в полицию за то, что я пользуюсь мамиными документами.

Он может сказать, что я украла те десять штук баксов, которые он мне дал, и меня обвинят в воровстве.

Но я уступила не потому, что испугалась одной из этих угроз. Нет. Просто он объявил мне, что, куда бы я ни сбежала, ему всегда удастся найти меня. Куда бы я ни направилась, он окажется там. Будет разыскивать меня до конца моих дней, потому что, как он напомнил мне, таков его долг перед моим отцом.

Мой отец. Человек, которого я в глаза не видела. Человек, который, судя по всему, был разбалованным, эгоистичным ублюдком. Который женился на жадной до денег мегере, но не позаботился сказать ей – да вообще всем, если уж на то пошло, – что восемнадцать лет назад, во время увольнения на берег, сделал ребенка одной девушке.

Я лично ничего не должна Стиву О'Халлорану, как и Каллуму Ройалу. Но и всю оставшуюся жизнь оглядываться через плечо мне тоже не улыбается. Каллум никогда не блефует. Он действительно не перестанет искать меня, если я снова убегу.

Я вхожу вслед за ним в особняк, не переставая напоминать себе, что я сильная, нестигаемая, что могу выдержать еще два года жизни с Ройалами. Нужно лишь притворяться, что их не существует. У меня будет только одна цель – окончить школу и уехать учиться в колледж. Как только я получу высшее образование, ноги моей более не будет на пороге этого дома.

Мы поднимаемся на второй этаж, и Каллум показывает новую систему безопасности, которую он установил на дверь моей комнаты. Биометрическое сканирование руки – должно быть, такие же меры безопасности есть и в «Атлантик Авиэйшн». В комнату можно войти только по отпечатку ладони, а это значит, что Рид больше не зайдет ко мне поздно вечером. Я больше не буду смотреть кино с Истоном. Эта комната станет моей тюремной камерой, но

именно этого я сама хотела.

– Элла.

Усталость звучит в голосе Каллума, который заходит за мной в комнату. Она осталась такой же розовой и девчачьей, как я ее помню. Каллум советовался с дизайнером интерьеров, но выбрал все сам, доказав, что абсолютно ничего не знает о девочках-подростках.

– Что? – спрашиваю я.

– Я знаю, почему ты убежала, и я хотел...

– Вы знаете? – осторожно перебиваю я.

Каллум кивает.

– Рид рассказал мне.

– Он рассказал вам?

Я не в силах сдержать удивление. Рид рассказал отцу о них с Брук? И Каллум не вышвырнул его из дома? Черт, Каллум даже не выглядит расстроенным! Что это за люди?

– Я понимаю, что тебе было крайне неловко самой прийти ко мне, – продолжает Каллум, – но я хочу, чтобы ты знала: ты можешь всегда поговорить со мной обо всем. И если честно, я считаю, что завтра утром мы первым делом должны подать заявление в полицию.

Я совсем ничего не понимаю.

– Заявление в полицию?

– Элла, тот мальчишка должен понести наказание за то, что сделал.

– Тот мальчишка?

Что, черт побери, происходит? Каллум хочет, чтобы его сына арестовали за... за что? За секс с несовершеннолетней? Но я по-прежнему девственница. Тогда меня могут обвинить в... господи. Я краснею, как свекла.

Следующие слова Каллума повергают меня в шок.

– Мне плевать, что его отец судья. Делакурту не сойдет с рук, что он накачал девочку наркотиками, а потом пытался изнасиловать ее.

Я всасываю воздух. Боже. Рид рассказал Каллуму о том, что хотел сделать со мной Дэниел? Почему? Или, вернее, почему сейчас, а не несколько недель тому назад, когда все произошло?

Но какие бы ни были у Рида причины, я возмущена тем, что он рассказал. Мне меньше всего хочется вмешивать сюда полицию и оказаться втянутой в длинное и грязное судебное разбирательство. Я даже могу представить, что именно произойдет в зале суда. Стриптизерша, которая учится в старшей школе, обвиняет богатого белого мальчишку в том, что он подсыпал ей наркотики, чтобы потом заняться с ней сексом. В это никто не поверит.

– Я не буду подавать заявление, – холодным тоном заявляю я.

– Элла...

– Ничего особенного не случилось. Ваши сыновья нашли меня до того, как Дэниел смог бы сделать что-то действительно серьезное. – От отчаяния у меня сосет под ложечкой. – И я не поэтому сбежала, Каллум. Просто... я не принадлежу этому миру, понимаете? Я не из того теста, чтобы жить жизнью богатенькой принцессы, которая учится в частной школе, а за ужином выпивает бокал шампанского за тысячу долларов. Я не такая. Я не роскошная куколка, богатая или...

– Но ты богата, – тихим голосом перебивает он. – Ты очень, очень богата, Элла, и тебе пора бы уже принять это. Твой отец оставил тебе целое состояние, и в скором времени нам нужно будет встретиться с юристами Стива и решить, что

ты будешь делать с этими деньгами. Инвестиции, трастовые фонды и все такое. Кстати... – он вытаскивает кожаный бумажник и протягивает мне: – Твои наличные на месяц, как мы договаривались. И кредитная карта.

Внезапно у меня начинает кружиться голова. Рид и Брук – единственное, о чем я могла думать с тех пор, как уехала. Я совершенно забыла о наследстве, оставленном мне Стивом.

– Мы можем обсудить это в следующий раз, – бормочу я.

Он кивает.

– Может, тебе стоит еще раз подумать о том, чтобы рассказать властям о Делакорте?

– Я не передумую, – решительно отвечаю я.

Похоже, Каллум смирился.

– Хорошо. Хочешь, принесу тебе что-нибудь поесть?

– Я ела во время последней остановки. – Я хочу, чтобы Каллум ушел, и он это знает.

– Что ж, ладно. – Он подходит к двери. – Тогда, может, ляжешь спать пораньше? Уверен, долгая поездка утомила тебя. Завтра еще поговорим.

Каллум уходит, и меня охватывает раздражение, когда я замечаю, что он оставил дверь приоткрытой. Подхожу, чтобы закрыть ее, и она тут же распахивается, чуть не сбив меня с ног.

В следующее мгновение меня крепко обнимают сильные руки.

Сначала я напрягаюсь, решив, что это Рид, но потом понимаю, что это Истон, и расслабляюсь. Он такой же высокий и мускулистый, как Рид, с такими же темными волосами и голубыми глазами, но его шампунь пахнет слаще и аромат лосьона после бритья не такой пряный, как у Рида.

– Истон... – начинаю я и тут же охаю, потому что от звука моего голоса он прижимает меня к себе еще крепче.

Он ничего не говорит. Лишь обнимает меня так, как будто я его защитный покров. От этого отчаянного объятия трещат кости и нечем дышать. Его подбородок опускается на мое плечо, и он зарывается лицом мне в шею. Хотя я должна быть зла на всех Ройалов, но не могу удержаться и не погладить его по волосам. Это же Истон, мой самопровозглашенный «старший брат», хотя мы одного возраста. Он огромный, неисправимый, часто вредный и всегда валяет дурака.

Наверное, он знал о Риде и Брук – Рид ни за что на свете не стал бы скрывать это от Истона, – и все же я не могу заставить себя ненавидеть его, особенно когда он дрожит в моих объятиях. А когда отстраняется, то смотрит на меня с таким невероятным облегчением, что дух захватывает.

Но он исчезает так же внезапно, как и появился – молча выходит из комнаты, и все. Я недоумеваю. Где язвительные комментарии, дерзкое предположение, что я вернулась лишь ради его красивого тела и животного магнетизма?

Нахмурившись, я закрываю дверь и заставляю себя не анализировать странное поведение Истона. Не позволю себе снова влезть в драму семейства Ройалов, тем более если хочу прожить здесь столько, сколько нужно.

Я засовываю бумажник в рюкзак, стягиваю толстовку и забираюсь на кровать. Шелковое покрывало под голыми руками кажется райским блаженством.

В Нэшвилле я остановилась в дешевом мотеле, где спала на самой шершавой в мире простыне. Еще она вся была в пятнах, о происхождении которых мне даже думать страшно. Я устроилась официанткой в закусочную, когда появился Каллум, точно так же, как он появился в Кирквуде и вытащил меня из стрип-клуба.

До сих пор не могу решить, как изменилась моя жизнь после того, как меня нашел Каллум Ройал, – в лучшую или в худшую сторону.

Сердце сжимается, когда перед глазами встает лицо Рида. В худшую, все-таки решаю я. Моя жизнь стала намного хуже.

Рид, наверное, почувствовал, что я думала о нем, и из-за закрытой двери раздается его голос.

– Элла,пусти меня.

Я не обращаю внимания.

Он дважды стучит.

– Пожалуйста. Мне нужно поговорить с тобой.

Я переворачиваюсь на бок, спиной к двери. Его голос убивает меня.

По ту сторону раздается рассерженный рев.

– Детка, ты и впрямь думаешь, что этот сканер меня остановит? Знаешь же, что нет. – Он на секунду умолкает, но когда я не отвечаю, продолжает: – Отлично. Я скоро вернусь. Найду ящик с инструментами.

Его угроза – ведь я понимаю, что это не пустые слова – заставляет меня соскочить с кровати. Я сердито прижимаю ладонь к панели, и замок открывается, наполнив комнату громким звуковым сигналом. Рывком распахнув дверь, я встречаюсь взглядом с парнем, который начал разрушать меня. Слава богу, я уехала и прекратила это. Ему больше никогда не удастся хоть как-нибудь повлиять на меня.

– Я тебе не детка, – мой голос похож на шипение. – Я тебе никто, ты мне никто, понятно? Не называй меня деткой. Вообще никак ко мне не обращайся. И держись от меня подальше.

Его голубые глаза внимательно осматривают меня с головы до ног. Он хриплым голосом спрашивает:

– Ты в порядке?

Мне не хватает воздуха. Удивительно, как я до сих пор не упала в обморок. Не могу сделать вдох. Легкие горят, глаза застилает красная туманная пелена. Он слышал хоть слово из того, что я сказала?

– Кажется, ты похудела, – как ни в чем не бывало говорит Рид. – Ты ничего не ела.

Я делаю попытку закрыть дверь.

Он лишь кладет на нее ладонь и толкает от себя, входя в комнату. Я сердито смотрю на него и рявкаю:

– Убирайся вон!

– Нет.

Он сверлит меня взглядом, как будто проверяет, нет ли на мне повреждений.

Но тогда ему лучше проверить себя, потому что из нас двоих именно он выглядит побитым в буквальном смысле слова: под воротом футболки виднеется темно-фиолетовый синяк. Рид недавно дрался. И, похоже, драка была не одна, судя по тому, как он слегка морщится на вдохе, словно ему тяжело дышать.

Вот и хорошо, злорадствую я. Он заслужил страдания.

– Ты в порядке? – повторяет Рид, глядя мне прямо в глаза. – Никто не... тронул тебя? Не причинил боль?

У меня вырывается истерический смех.

– Да! Кое-кто причинил мне боль! Ты причинил мне боль!

На его лице появляется выражение отчаяния.

– Ты ушла прежде, чем я смог объяснить.

– Никакие твои объяснения не заставят меня простить тебя, – выплевываю я. – Ты спал с девушкой своего отца!

– Нет, – решительно возражает он. – Я не спал.

– Врешь!

– Это правда. Не спал, – он снова вздыхает. – Не в ту ночь. Она пыталась заставить меня поговорить про нее с отцом. Я пытался отделаться от нее.

Я в изумлении таращусь на него.

– Она была абсолютно голая!

И тут я умолкаю, когда мой мозг улавливает кое-что в том, что он только что сказал.

Не в ту ночь.

Во мне растет гнев.

– Давай на секунду представим, что я поверила тебе и той ночью ты действительно не спал с Брук, – мои глаза яростно сверкают. – Хотя я тебе не верю. Но давай просто представим. Все же ты спал с ней в другое время, да?

В его глазах вспыхивает чувство вины, глубокое и безошибочное.

– Сколько раз? – требовательно спрашиваю я.

Рид проводит рукой по волосам.

– Два, может, три.

У меня сжимается сердце. Боже мой. Часть меня ожидала, что Рид будет все отрицать. Но... он действительно признался, что у него был секс с подружкой его отца? Больше чем один раз?

– Может? – взвизгиваю я.

– Я был пьян.

– Ты мне омерзителен, – шепчу я.

Он даже бровью не ведет.

– Когда мы с тобой были вместе, я ни разу не спал с ней. Как только мы с тобой познакомились, я был твоим, только твоим.

– Ого, как мне повезло! Мне достались объедки Брук! Ура!

Он морщится.

– Элла...

– Заткнись, – я поднимаю руку, чувствуя такое отвращение, что даже не могу на него смотреть. – Я не стану спрашивать, зачем ты это сделал, потому что прекрасно знаю ответ. Рид Ройал ненавидит своего папочку. Рид Ройал решил отомстить своему папочке. Рид Ройал занялся сексом с подружкой своего папочки.

Я издаю звук, как будто меня сейчас вырвет.

– Ты хоть понимаешь, насколько это ненормально?

– Да, понимаю, – его голос звучит хрипло. – Но я никогда не утверждал, что я святой. До того, как познакомиться с тобой, я наделал немало ошибок.

– Рид, – я бесстрашно встречаюсь с ним взглядом, – я никогда тебя не прощу.

В его глазах вспыхивает уверенность.

– Ты шутишь.

Я делаю шаг к двери.

– Что бы ты ни говорил, что бы ни делал, я никогда не прощу тебя за то, что видела в твоей комнате той ночью. Радуйся, что я молчу об этом, потому что если Каллум узнает, то придет в бешенство.

– Мне плевать, что будет делать мой отец.

Рид наступает на меня.

– Ты ушла от меня! – рычит он.

У меня отвисает челюсть.

– Ты злишься на меня? Конечно, я сбежала! Зачем мне было оставаться в этом ужасном доме после всего того, что ты сделал?

Он приближается, его огромная фигура заполняет мое личное пространство, рука обхватывает мой подбородок. Я дергаюсь, чтобы вырваться, и его глаза вспыхивают еще ярче.

– С тех пор, как ты ушла, я скучал по тебе каждую секунду. Думал о тебе каждое чертово мгновение. Хочешь ненавидеть меня за то, что я сделал? Мне все равно – я сам себя ненавижу уже давно. Я переспал с Брук, и с этим мне придется жить всю жизнь. – Пальцы Рида, сжимающие мою челюсть, дрожат. – Но в ту ночь я не спал с ней, и я не позволю тебе отказаться от того, что происходит между нами, только потому...

– Что происходит между нами? Между нами ничего нет! – меня снова тошнит. Я устала от бесполезного разговора. – Убирайся из моей комнаты, Рид. Сейчас мне даже смотреть на тебя противно.

Он не двигается с места, и тогда я, положив ладони ему на грудь, толкаю его. Изо всех сил. И продолжаю толкать, бить по мускулистой груди, отодвигая к двери дюйм за дюймом. Легкая усмешка на его лице лишь распаляет мою злость. Это все кажется ему смешным? Все, что происходит в жизни этого парня, – лишь игра для него?

– Пошел вон, – приказываю я. – Между нами все кончено.

Он смотрит на мои руки, по-прежнему прижатые к его груди, потом на мое лицо, которое, уверена, сейчас краснее помидора.

– Ладно, я уйду, раз ты этого хочешь, – Рид выгибает одну бровь. – Но между нами ничего не кончено, Элла. Ничего.

Я едва дожидаясь, когда он переступит порог, и захлопываю дверь прямо перед его носом.

Глава 9

Первое, что я вижу, проснувшись, – это вентилятор над кроватью. Гладкие тяжелые хлопковые простыни напоминают о том, что я больше не в гадкой комнате мотеля стоимостью четыре доллара за ночь, а снова во «дворце» Ройалов.

Здесь ничего не изменилось. Я даже чувствую запах Рида на наволочках, как будто он ночевал здесь каждую ночь со дня моего бегства. Бросаю подушку на пол и делаю мысленную пометку купить новое постельное белье.

Правильно ли я поступила, вернувшись сюда? Был ли у меня выбор? Каллум доказал, что может отыскать меня где угодно. Я потребовала у него все, что могла: замок со сканером ладони на дверях спальни, кредитную карту на свое имя, обещание, что, как только окончу школу, меня не будут контролировать.

Я должна была задать себе только один вопрос: собираюсь ли позволить какому-то парню разрушить мне жизнь? Разве я настолько слаба, что не смогу справиться с Ридом Ройалом? Я много лет была за главную, сначала заботясь о маме, потом о самой себе. Рана, оставленная в моем сердце смертью мамы, в конце концов зарубцевалась. Рана, которую оставил там Рид, тоже со временем заживет.

Верно?

Перекатившись на другой бок, я замечаю на прикроватной тумбочке телефон, который подарил мне Каллум. Я оставила его вместе с машиной, одеждой и остальными вещами, подаренными мне. Но, уехав от Ройалов, и в первую очередь от Рида, я все равно не могла перестать думать о нем. Не могла оставить наши отношения позади: воспоминания преследовали меня.

Я хватаю телефон и заставляю себя без страха взглянуть на тот кавардак, что остался после моего бегства. Непрочитанные сообщения вызывают смешанные чувства. Когда я сбегала раньше, по мне никто не скучал. Мы с мамой никогда не задерживались в одном месте дольше, чем на пару лет.

В этот раз меня ждут тридцать сообщений от Вэлери, несколько – от Рида, и их я удаляю, не прочитав. Есть еще два, отправленных с номера Истона, но подозреваю, что они тоже от Рида, так что удаляю их тоже. Остальные сообщения от моей начальницы Люси, владелицы «Френч Твист», пекарни, что находится неподалеку от частной школы Астор-Парк. В первых чувствуется беспокойство, в последних – раздражение.

Но именно от сообщений Вэл мой желудок неприятно скручивает. Надо было ей хоть что-то сказать. Я много думала об этом, когда сбежала, но мне было страшно. Не только потому, что Ройалы могли выудить у нее информацию, но и потому, что она связывала меня с тем, что я хотела забыть. Мне стыдно за то, как я поступила с ней. Если бы она вдруг взяла и исчезла, я бы сильно разозлилась.

Прости меня. Я самая ужасная в мире подруга. Ты еще хочешь разговаривать со мной?

Я кладу телефон на кровать и смотрю в потолок. К моему удивлению, почти сразу же раздается звонок. На экране вспыхивает фотография Вэл.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю.

– Привет, Вэл.

– Где ты была? – кричит она. – Я не могла до тебя дозвониться!

Я открываю рот, чтобы скормить ей ложь про то, что болела, но ее следующие слова останавливают меня.

– И только не говори мне, что ты болела, потому что никто не болеет две недели кряду и даже не может позвонить! Ну, конечно, если ты не нулевой пациент[2 - Первый заразившийся пациент в популяции эпидемиологического исследования. Может выступать лишь источником заболевания, не страдая от симптомов.], с которого начинается зомби-апокалипсис.

Слушая ее полные тревоги слова, я понимаю, что это и есть проверка нашей дружбы. Несмотря на то, что я две недели не отвечала на ее звонки, она все равно впускает меня в свою жизнь. Да, Вэл задает вопросы, но только те, на которые заслуживает ответа. Она важна для меня, настолько, что я готова ответить ей честно, как бы неловко мне ни было.

– Я сбежала, – признаюсь подруге.

– Ох, Элла, нет! – она печально вздыхает. – Что с тобой сделали Ройалы?

Я не хочу лгать ей.

– Я... пока не готова говорить об этом. Но, похоже, я слишком остро отреагировала.

– Почему ты не пришла ко мне? – спрашивает она, и в ее голосе звучит обида.

– Прости. Я... Кое-что произошло, я села в машину, купила билет на автобус и уехала. Единственное, о чем я думала, – как уехать отсюда подальше. Мне даже в голову не пришло отправиться к тебе. Я не привыкла искать помощи у других. Прости меня.

Какое-то время она молчит.

– Я все еще злюсь на тебя.

– И я тебя понимаю.

– Ты сегодня придешь в школу?

– Нет. Я вернулась вчера поздно вечером, и Каллум дал мне сутки на то, чтобы прийти в себя.

– Ладно. Тогда я тоже сегодня прогуляю, а ты придешь ко мне и все расскажешь.

– Я скажу тебе только то, что могу.

Я уже не хочу даже думать о том, что было между Брук и Ридом. Мне хочется забыть о том, что случилось. И хочется забыть о том, как я открыла свое сердце Риду.

– Мне тоже нужно о многом тебе рассказать, – говорит Вэл. – Когда ты сможешь приехать?

Я смотрю на часы.

– Через час, ладно? Мне нужно принять душ, позавтракать, одеться.

– Здорово. Проходи через заднюю дверь, иначе тетюшка станет выяснять, почему мы не в школе.

Вэл живет со своей теткой, чтобы учиться в Астор-Парке. Пока я знакома лишь со злой кузиной Вэл, Джордан, но думаю, что день, когда я прогуливаю уроки, – не самое лучшее время, чтобы познакомиться с остальными членами ее семьи.

– Ясно. До встречи!

Я делаю глубокий вдох и звоню Люси.

– Привет, Люси. Это Элла. Прости, что исчезла, ничего не объяснив. Можно мне приехать после обеда?

– Ты тоже меня прости, но сейчас я не могу говорить. Очень занята. – Люси говорит резко, и я вдруг жалею, что вообще проснулась сегодня. – Но если ты

сможешь подъехать к двум часам, то мы все обсудим.

– Я приеду, – обещаю я.

У меня такое чувство, что мне не понравится то, что она скажет.

Я заставляю себя вылезти из кровати, принимаю душ и надеваю старые джинсы и фланелевую рубашку. По иронии судьбы, эти же самые вещи были на мне, когда я впервые вошла в особняк Ройалов. Мой шкаф доверху забит дорожной одеждой, но я не стану носить то, что выбрала мне Брук Дэвидсон, даже если веду себя глупо, как маленькая девочка.

Я открываю дверь и вздрагиваю. У противоположной стены стоит, прислонившись к ней, Рид.

– Доброе утро.

Я закрываю дверь, хлопнув изо всей силы.

Но его звучный голос не остановит даже закрытая дверь.

– И как долго ты собираешься игнорировать меня?

Два года. Нет, до конца своих дней.

– Я не уйду, – добавляет он. – И когда-нибудь ты все равно простишь меня, так, может, все-таки выслушаешь?

Я подхожу к окну рядом с кроватью и смотрю вниз. Прыгать с высоты второго этажа – это было бы слишком, и я не уверена, что веревка из связанных простыней сработает в реальной жизни. С моей-то «удачей» простыни развяжутся, я упаду на землю, сломав себе несколько костей, и потом придется несколько недель пролежать в постели.

Я пересекаю комнату, рывком открываю дверь и молча прохожу мимо Рида.

– Прости, что не рассказал тебе про Брук.

Да подавись ты своими извинениями!

На полпути вниз по лестнице он хватается меня за руку выше локтя и разворачивает к себе лицом.

– Я знаю, тебе не все равно. Иначе ты не устраивала бы мне бойкот.

Ему даже хватает наглости улыбнуться мне!

О боже! Он не имеет права улыбаться! Во-первых, потому что сразу становится невероятно сексуальным. А во-вторых, потому что... р-р-р... потому что я зла на него.

Я холодно смотрю на него и высвобождаюсь из его хватки.

– Я решила, что не буду тратить время и силы на людей, которые того не стоят.

Рид ждет, когда я спущусь по ступеням, и окликает меня.

– Значит, и на Истона тебе тоже наплевать?

Услышав имя Истона, я оборачиваюсь, потому что, если не считать Вэл, он мой единственный близкий друг здесь.

– Что, с ним что-то не так?

Рид сбегает вниз и останавливается рядом со мной.

– Ага. Ты сбежала, и он решил, что все женщины, которых он любит, уходят от него.

От чувства вины у меня вспыхивает лицо.

– Я уходила не от него.

Я ушла от тебя, лживый ублюдок.

Рид пожимает плечами.

– Тебе нужно убедить в этом его, не меня. Но уверен, что ты снова завоюешь его любовь.

Самоуверенный осел. Я растягиваю губы в самой слащавой улыбке, какую только могу изобразить.

– Сделаешь мне одолжение?

– Конечно.

– Возьми свои снисходительный тон, никому не нужные советы, гадкую привычку торчать у моей двери и засунь их себе в зад!

Я рывком разворачиваюсь. Однако уйти красиво не получается, потому что Рид следует за мной дальше на кухню, где оказываются и все остальные члены семейства Ройал, за исключением Гидеона.

– Ни у кого сегодня нет тренировок? – с подозрением спрашиваю я.

Истон и Рид играют в футбол. Они оба уже должны быть в школе. Каллум обычно уезжает на работу еще до восхода солнца. Когда просыпаются близнецы, я понятия не имею. Но сейчас они сидят за огромным столом со стеклянной столешницей, который стоит в углу кухни с видом на бассейн и Атлантический океан.

– Сегодня особенный день, – отвечает Каллум поверх своей кружки с кофе. – Наша семья снова в сборе. Сандра приготовила тебе завтрак, он в холодильнике. Доставай его и садись за стол. Рид, хватит нависать над нами, сядь.

Это прямые приказы нам с Ридом, и хотя Каллум мне не отец, а Рид вообще редко его слушается, мы все равно делаем так, как было велено.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Кэрри» (англ. Carrie) – первый опубликованный роман американского писателя Стивена Кинга о затравленной школьнице Кэрри Уайт и ее способностях к телекинезу. Книга затрагивает темы религиозного фанатизма и подростковой жестокости. – Здесь и далее прим. переводчика.

2

Первый заразившийся пациент в популяции эпидемиологического исследования. Может выступать лишь источником заболевания, не страдая от симптомов.

Купить: https://telnovel.com/ru/uatt_erin/slomlennyy-princ

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)